

АЛЯСКА, СЭР!

ЮРИЙ
ШЕСТЁРА

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Юрий Шестёра
Аляска, сэр!
Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10867180
Аляска, сэр! / Юрий Шестёра: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-7528-7, 978-5-9533-6543-7

Аннотация

XIX век. Территория Русской Америки. Главный герой, русский аристократ граф Воронцов, в силу непредвиденных обстоятельств оказывается в глубине полуострова в индейском племени тлинкитов, переживает вместе с американскими путешественниками череду невероятных и опасных приключений, вплоть до вооруженного столкновения в прериях с индейцами племени гуронов. Воронцов с честью выдерживает нелегкие испытания и даже оказывает большую услугу набирающей силу и влияние Российско-американской компании в лице ее управителя Александра Андреевича Баранова.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юрий Шестёра

Аляска, сэр!

Глава 1

Инцидент на пути к Камчатке

Судно медленно, как бы нехотя, но все сильнее и сильнее кренилось на левый борт. Сквозь иллюминатор каюты уже стали видны редкие барашки облаков, лениво плывущих в лазурных небесах под воздействием ровно дующего пассата. Но вот судно выпрямилось, на мгновение как бы замерло, а затем стало так же медленно крениться вновь, но уже на правый борт. Облака в иллюминаторе исчезли – сменились длинными, тянущимися до самого горизонта валами мертвой зыби. То было наглядным свидетельством жестокого шторма, бушевавшего сейчас где-то за сотни миль отсюда.

Моноotonности бортовой качки соответствовало и настроение хозяина каюты. Алексей Михайлович горестно вздохнул, вспоминая перипетии минувшего дня.

* * *

В кают-компании шлюпа «Надежда», флагманского корабля Первой русской кругосветной экспедиции, возглавляемой капитан-лейтенантом Иваном Федоровичем Крузенштерном¹, было шумно и тесно. Еще бы! Ведь в ней одновременно собрались не только офицеры с обоих шлюпов, но и члены торговой миссии во главе с чрезвычайным полномочным посланником России камергером² Николаем Петровичем Резановым³. Дабы всех разместить, вестовые буквально сбились с ног, собирая стулья по офицерским каютам, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Повод же, по которому начальник экспедиции собрал у себя всех господ офицеров и членов миссии, был поистине уникальным: завтра здесь, у Гавайских островов, шлюпы расстанутся на целый год! «Надежда» под командой Крузенштерна уйдет в Петропавловск на Камчатке, а оттуда – в Нагасаки, для заключения торгового договора с Японией. «Нева» же, под командованием капитан-лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского⁴, отправится в Рус-

¹ Крузенштерн Иван Федорович (1770–1846) – русский мореплаватель, адмирал, почетный член Петербургской АН. В 1788 году окончил Морской корпус, в том же году участвовал в Гогландском сражении. В 1793 году был направлен волонтером в Англию для совершенствования навыков в морском деле. Бороздил Атлантический, Индийский и Тихий океаны. В 1802 году был назначен начальником Первой русской кругосветной экспедиции (1803–1806). В августе 1806 года экспедиция вернулась в Кронштадт, миновав Индийский и Атлантический океаны. С 1811 года И.Ф. Крузенштерн занимал пост инспектора, а в 1827–1842 гг. – директора Морского корпуса.

² Камергер – придворный чин в дореволюционной России; соответствовал флотскому чину контр-адмирала.

³ Резанов Николай Петрович (1764–1807) – русский государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1803). Один из учредителей Российско-американской компании. Возглавлял Главное правление компании. Участвовал в организации Первой русской кругосветной экспедиции, руководимой И.Ф. Крузенштерном (1803–1806); с ней же отправился в качестве полномочного посланника России с поручением императора установить торговые отношения с Японией. Однако вследствие противодействия японского правительства цель его миссии не была достигнута. Посетив с инспекцией русские и индейские поселения в Русской Америке, Н.П. Резанов через Охотск вернулся в Россию. Скончался в Красноярске по дороге в Петербург.

⁴ Лисянский Юрий Федорович (1773–1837) – русский мореплаватель, капитан 1-го ранга. В 1786 году окончил Морской корпус. В 1793–1799 гг. ходил на кораблях и участвовал в боевых действиях британского флота в Северной Америке, Вест-Индии, Южной Африке и Индии. По возвращении в Россию участвовал в подготовке и осуществлении Первой русской кругосветной экспедиции (1803–1806) на кораблях «Надежда» и «Нева» в качестве командира «Невы» (начальником экспедиции и командиром «Надежды» был назначен И.Ф. Крузенштерн). В 1809 году вышел в отставку.

скую Америку⁵. Капитан «Невы» по своему усмотрению должен будет прибыть или в Павловскую гавань на острове Кадьяк, что расположен у залива Аляска, или в Архангельскую крепость на острове Баранова, относящемся к архипелагу Александра.

Все присутствовавшие пребывали в приподнятом настроении, ибо первый этап кругосветного плавания был успешно завершён. Здравницы следовали одна за другой, но пили только шампанское: завтра шлюпам предстояло сняться с якорей и уйти в открытый океан. Шутки сыпались как из рога изобилия: истосковавшиеся по общению моряки наперебой упражнялись в изящной словесности. Не отставал от подчиненных и зараженный всеобщим весельем начальник экспедиции.

Один лишь Резанов снисходительно наблюдал за шумной компанией, почти не принимая участия в перекрестной словесной перепалке. И не столько потому, что был старше всех здесь присутствующих как по возрасту, так и, имея один из высших придворных чинов, по положению, сколько потому, что он был бойцом, закаленным в таких дворцовых интригах, которые не шли ни в какое сравнение с безобидными устными изысками флотской молодежи.

Меж тем Крузенштерн язвительно и как бы между прочим заметил, что испытывает высшее наслаждение при виде господина Воронцова, фланирующего по верхней палубе с зеленой обезьянкой на поводке, чем вызвал очередную волну оживления среди офицеров. Когда же он иронически предположил, что тот, видимо, считает данный вид времяпрепровождения наиболее приличествующим его графскому достоинству, лицо Алексея Михайловича вспыхнуло.

– Вы, Иван Федорович, – процедил Воронцов, – своим неуклюжим замечанием преступили пределы дозволенного. А посему жду от вас извинений за нанесенное мне оскорбление при всех присутствующих в кают-компании господах!

Лицо камергера помрачнело, и это не ускользнуло от внимания участников застолья. Все поняли, что назревает конфликт. Понял это, конечно, и сам Крузенштерн, но остановиться, закусив удила, уже не мог.

– Не много ли вы на себя берете, граф?! – воскликнул начальник экспедиции. – У вас, видимо, проблемы с чувством юмора, раз вы не способны нормально воспринять невинную шутку!

– Юмор юмору рознь, господин капитан-лейтенант! – резким, непримиримым тоном произнес Алексей Михайлович. Он специально озвучил звание оппонента, поскольку, будучи его ровесником, сам имел чин надворного советника, соответствующий, согласно Табели о рангах⁶, флотскому чину капитана второго ранга, что считалось одним классом выше. – Вы можете позволять себе «невинно» шутить со своими подчиненными, однако я подчиняюсь лишь его превосходительству Николаю Петровичу Резанову! Кроме того, вы оскорбили не только меня лично, но – в моем лице – и весь мой род, далеко не последний в России! К сожалению, в данный момент я не могу обратиться к вам с требованием немедленной сатисфакции⁷, ибо в условиях дальнего плавания дуэли категорически запрещены, поэтому оставляю за собой право сделать это сразу же по возвращении экспедиции в Кронштадт. – С этими словами Воронцов демонстративно покинул кают-компанию.

⁵ Русская Америка – неофициальное название русских владений на Аляске, Алеутских островах и на северо-западном побережье Северной Америки во 2-й половине XVIII – 2-й половине XIX века.

⁶ Табель о рангах – законодательный акт, утвержденный Петром Первым 24 января 1722 года. Отражал систему военных, гражданских и придворных чинов, их соотношение, порядок прохождения государственной службы и последовательность чиновного производства в Российской империи.

⁷ Сатисфакция – удовлетворение, предоставляемое оскорбленному человеку оскорбившим его лицом (обычно проводилось в форме поединка, дуэли); требование сатисфакции – вызов на дуэль.

Все притихли, растерянно переводя взгляды с Резанова на Крузенштерна. После некоторой паузы Николай Петрович поднялся из-за стола и жестом пригласил Ивана Федоровича в свою каюту.

* * *

Резанов расположился в уютном кресле за большим письменным столом красного дерева, в то время как Крузенштерн остался стоять по другую его сторону в позе провинившегося школьника.

– Вы, Иван Федорович, очень огорчили меня, – начал тяжелый для обоих разговор камергер. – Ведь вы являетесь не просто флотским офицером и даже не только капитаном флагманского корабля, но еще и начальником Первой кругосветной экспедиции русского флота! Организованной, кстати, по вашей же инициативе и при вашем деятельном участии. И вдруг какой-то совершенно мальчишеской выходкой, поддавшись всеобщему игривому настроению, позволили себе сегодня не только подорвать собственный авторитет руководителя, но и незаслуженно обидеть уважаемого человека.

– Знаем мы этих «уважаемых» паркетных шаркунов, – досадливо буркнул Крузенштерн, глядя себе под ноги.

Резанов посмотрел на собеседника так, будто видел его впервые.

– Вы несправедливы, Иван Федорович, к графу Воронцову. Он по праву занимает должность столоначальника в Министерстве иностранных дел и в случае успешного заключения торгового договора с Японией будет, несмотря на его довольно молодые годы, представлен мною к пожалованию ему чина коллежского советника, равного в соответствии с Табелью о рангах, как вам, безусловно, известно, флотскому чину капитана первого ранга. Вот так, – многозначительно подчеркнул камергер. – Что же касается пристрастий господина Воронцова, то вас почему-то никто не упрекает в том, что вы развели в своей капитанской каюте целый зоопарк, купив в Бразилии дюжину попугаев, в том числе красавца ара чуть ли ни в полсажени высотой. Граф же предпочел приобрести там же зеленую мартышку. Только и всего.

– Но я же не разгуливаю со своими попугаями по верхней палубе военного судна! – огрызнулся капитан-лейтенант, понимая, однако, неопровержимость доводов камергера.

– Так вы моралист, Иван Федорович?! – притворно удивился Резанов. – Тогда вам бы в самую пору не экспедицией руководить, а в институте благородных девиц преподавать! – Увидев, сколь обиженно вспыхнуло лицо Крузенштерна, он примирительно добавил: – Не обижайтесь, уважаемый Иван Федорович. Мы с вами, слава богу, одни, так что у вас нет повода вызвать меня на дуэль. – Глаза камергера озорно блеснули. – Я же прекрасно понимаю, что ваша недавняя публичная выходка, а по-другому я ее, извините, назвать не могу, вызвана тем, что какому-то, как вы соизволили выразиться, «паркетному шаркуну» уже с рождения выпало стать графом, аристократом, тогда как вам, выходцу из мелкопоместных дворян, предстоит добиваться места под солнцем трудом и знаниями. Увы, но данное положение дел не по силам изменить ни вам, ни мне... – Резанов ненадолго задумался. – Кстати, прошу вас присесть, Иван Федорович, тем более что самое главное я уже сказал...

Крузенштерн благодарно взглянул на хозяина каюты и, придвинув к столу кресло для гостей, расслабленно в него опустился: насколько он понял, «официальная часть» разговора, а на самом деле – разноса, закончилась. Действительно, камергер уже совершенно спокойным тоном принялся давать ему, неопытному пока в светских делах человеку, полезного рода наставления.

– Имейте в виду, Иван Федорович, что по прибытии в Петербург разговоры о сегодняшнем конфликте между вами и Воронцовым непременно возобновятся, и представители

аристократических кругов вряд ли встанут на вашу сторону. Я хорошо знаю графа Михаила Петровича Воронцова, отца Алексея Михайловича. Он весьма близок к придворным кругам и, думаю, не простит вам оскорбления, нанесенного его сыну и наследнику. Поэтому постарайтесь превозмочь гордыню и тотчас по возвращении из плавания изыскать возможность извиниться перед Алексеем Михайловичем. Поверьте: это пойдет лишь на пользу вашей дальнейшей карьере, которая лично мне представляется блестящей.

Крузенштерн бросил на камергера настороженный быстрый взгляд: не шутит ли? Нет, собеседник явно говорил с ним откровенно и совет давал дельный. Возникшая было в душе тревога вмиг сменилась чувством благодарности.

– Собственно, – продолжал излагать свою мысль Резанов, – если бы вы прямо сегодня, воспользовавшись царившей в кают-компании атмосферой всеобщего веселья, извинились перед графом, инцидент был бы уже полностью исчерпан. Вы же вместо этого зачем-то полезли в бутылку, прошу прощения за выражение...

– Не сдержался, Николай Петрович. Каюсь...

– Вижу. Тем не менее впредь постарайтесь не допускать подобных промахов. Надо уметь извлекать уроки из своих ошибок, хотя, как говорят мудрецы, лучше все-таки учиться на чужих, – улыбнулся Резанов.

– Большое спасибо вам, Николай Петрович, за преподнесенный мне предметный урок, – с чувством произнес капитан-лейтенант и благодарно пожал руку, протянутую камергером.

Мир был восстановлен.

* * *

Алексей Михайлович вернулся в свою каюту и тяжело опустился на стул. Внутри все клокотало. Какой-то капитан-лейтенант, выскочка, посмел прилюдно оскорбить его. Его, представителя аристократического рода! Он знал, что отец, узнав об этом инциденте, не оставит от авторитета Крузенштерна камня на камне. Но при чем тут отец? Ведь оскорблению-то подвергся лично он, граф Алексей Михайлович Воронцов... Да, именно собственное бессилие его сейчас и бесило. Вдобавок Резанов, непосредственный начальник, не сделал ни малейшей попытки заступиться за него, своего подчиненного!..

Однако, поразмыслив, Воронцов пришел к выводу, что Николай Петрович ни за что не стал бы одергивать Крузенштерна или делать ему замечание в присутствии его подчиненных. Это было неписаным правилом чиновничьей этики.

Тут раздалось знакомое повизгивание любимицы Макаки, и мартышка прыгнула к Алексею на колени. Он погладил ее, и зверушка, словно почувствовав настроение хозяина, лизнула его в лицо, как собачонка. Растроганный Алексей Михайлович прижал обезьянку к груди и предался воспоминаниям...

* * *

Когда шлюпы отдали якоря на рейде бразильского порта Дестеро, все свободные от вахты офицеры, а тем паче и вовсе бывшие не у дел члены торговой миссии, на катерах сошли на берег. Как же было приятно вновь ощутить под ногами земную твердь после длительного водного перехода от Канарских островов! Да и Дестеро, по сравнению с заштатным городишком Санта-Крус, посещенным незадолго до этого на острове Тенерифе, показался относительно большим городом.

Знакомясь с новым городом, Алексей Михайлович забрел в магазинчик, торгующий разной заморской живностью, и его прямо с порога буквально оглушили крики попугаев все-

возможных цветов и оттенков. При виде нового посетителя птицы начали наперебой выкрикивать португальские, английские, а то и вовсе непонятные слова и фразы, словно решили посоревноваться друг с другом в красноречии.

Хозяин магазинчика, португалец, довольно сносно изъяснявшийся по-английски, наметанным взглядом торговца сразу же оценил потенциальные финансовые возможности посетителя и стал на все лады расхваливать свой товар. Алексей Михайлович в ответ лишь вежливо улыбался и неспешно переходил от клетки к клетке. Когда, не заинтересовавшись говорливыми попугаями, он задержался у небольшого вольера с обезьянками, торговец перешел в более решительную атаку. Остановив его непрерывный словесный поток повелительным взмахом руки, Алексей Михайлович попросил объяснить ему преимущества тех или иных видов обезьян.

Продавец, быстро смекнув, что имеет дело не с дилетантом, которому можно вешать лапшу на уши, мгновенно перестроился на деловой тон и стал давать необходимые пояснения. Поняв, что наиболее подходящими для домашнего содержания являются зеленые мартышки, отличающиеся ко всему прочему острым умом и великолепными подражательными способностями, Алексей Михайлович остановил свой выбор на одной из самочек (поскольку самки, по утверждению продавца, были намного покладистее своенравных самцов). «Избранная» зверушка, словно догадавшись о намерениях стоявшего перед ней человека, преданно смотрела на него и непрерывно верещала, как будто хотела сказать: «Возьми меня, возьми меня...»

К вящей радости продавца, покупатель заплатил за мартышку объявленную им сумму, даже не торгуясь. Затем под его диктовку тщательно записал основной ассортимент питания и, узнав, что обезьянка практически всеядна, несказанно обрадовался. Напоследок продавец предупредил, что выгуливать мартышку надо обязательно на поводке. Но не на ремennom или веревочном, поскольку такие она может легко перекусить и убежать, а исключительно на тонкой цепочке. И, разумеется, услужливо предложил несколько имеющихся в его магазине вариантов цепочек, уже прикрепленных к ошейникам.

Алексей Михайлович выбрал самый дорогой – блестящий поводок тонкого плетения длиной в полторы сажени. Затем аккуратно надел ошейник на обезьянку и вывел ее из вольера. Та тут же начала яростно стягивать цепкими лапками ошейник с шеи, и Алексей Михайлович вопросительно посмотрел на продавца.

– Не волнуйтесь, сэр, привыкнет, – успокоил его тот, не забыв подобострастно улыбнуться столь щедрому и выгодному покупателю.

– Ну что ж, Макака, тогда пошли домой, – изрек новоиспеченный хозяин мартышки и, поблагодарив продавца, вышел из магазинчика.

Кличка обезьянки родилась в его голове как-то сама собой.

* * *

Макака положила лапки на плечи Алексея Михайловича, как бы обнимая его, и притихла, едва слышно повизгивая. Он благодарно погладил зверушку, а затем пересадил на стол, достал из шкафа банан и протянул его ей. Та жадно схватила любимое лакомство, ловко, почти молниеносно очистила его, откусила довольно солидный кусок и начала блаженно жевать, признательно поглядывая на хозяина.

К удивлению русских моряков, гавайцы, явно избалованные частым посещением их островов кораблями европейцев, заламывали теперь за фрукты сногшибательные цены. (В отличие, например, от острова Нукагива, расположенного чуть южнее экватора, где туземцы продавали всевозможные тропические лакомства практически за бесценок.) Поэтому здесь, в Дестеро, капитаны шлюпов ограничились закупкой фруктов только для

нужд кают-компаний, тогда как сам Алексей Михайлович запаса им тут впрок. Ведь следующая остановка ожидалась теперь только в Петропавловске на Камчатке, а там, как ему было известно, фруктами и не пахло.

Наблюдая за активно поедающей банан Макакой, Воронцов неожиданно вспомнил слова продавца-португальца о прекрасных подражательных способностях зеленых мартышек. И тут его, что называется, осенило! Он вскочил со стула и возбужденно заходил взад-вперед по довольно тесной каюте. В голове графа рождался план отмщения обидчику.

Наконец, несколько успокоившись, Алексей Михайлович снова подсел к столу и пристально посмотрел на мартышку.

– Извини, Макака, но тебе, кажется, предстоит стать моим орудием мщения, – загадочно произнес он.

* * *

Крузенштерн, нервно постучав в дверь и даже не дождавшись разрешения войти, буквально ввалился в адмиральскую каюту Резанова.

– В чем дело, Иван Федорович? – строго спросил камергер, будучи изрядно покороблен бесцеремонностью капитана, который доселе вел себя по отношению к нему достаточно корректно.

– На шлюпе произошло чрезвычайное происшествие, Николай Петрович! – выпалил визитер, словно бы и не заметив недовольства хозяина каюты.

Резанов аккуратно вытер о тряпочку испачканный чернилами кончик гусиного пера, которым только что писал что-то на бумаге, и отложил его в сторону. Озадачившись непривычно возбужденным состоянием Крузенштерна, поддаваться его настроению, однако, не стал.

– Присаживайтесь, Иван Федорович, – сухо предложил он нежданному гостю. – И спокойно объясните, пожалуйста, что случилось.

Крузенштерн нервно пододвинул кресло к столу и, усевшись напротив Резанова, продолжил по-прежнему запальчиво:

– Графская обезьяна...

– Успокойтесь, прошу вас! – перебил его камергер, поморщившись. – Вы же, в конце концов, не институтка, а флотский офицер, да еще и руководитель экспедиции!

Крузенштерн на мгновение непонимающе замер, но когда уловил-таки смысл слов собеседника, продолжил уже чуть более спокойно:

– Извините, Николай Петрович, но я действительно крайне возмущен безобразной выходкой графа Воронцова!

Резанов облегченно вздохнул: он опасался услышать от капитана о чем-то и впрямь из ряда вон выходящем, угрожавшем, не дай бог, безопасности шлюпа. «А тут всего-навсего очередное выяснение отношений между соперниками», – усмехнулся камергер про себя.

– Продолжайте, Иван Федорович, я внимательно слушаю вас.

– Так вот... Вхожу я, значит, в свою каюту и – что же вижу?! В моем кресле, за моим письменным столом сидит эта паршивая графская обезьяна! Мало того! Она листает журнал с моими путевыми заметками и каждый лист обливает чернилами из стоявшей у меня на столе бутылки! Когда на мой крик прибежал вестовой⁸ и принялся ловить эту поганку, она прытко убежала в спальню... Я же чуть не плакал: эта тварь успела уничтожить добрую половину моих записей, сделанных, почитай, почти за год нашего плаванья! – Лицо мореплавателя исказилось гримасой страдания.

⁸ Вестовой – в русском флоте матрос, состоявший при офицере для оказания личных услуг.

– Сочувствую вам, Иван Федорович, – искренне пособолезновал камергер. А затем, ненадолго задумавшись, философски изрек: – Полагаю, это просто-напросто вернулся брошенный вами же бумеранг.

– ?!..

– Я имею в виду, что проделка обезьяны – своего рода расплата за тот ваш необдуманный поступок в кают-компании «Надежды», когда мы стояли у Гавайских островов. Видимо, граф Воронцов просто не нашел другого способа отомстить вам.

– Но не столь же иезуитским образом!

– Согласен: случай возмутительный. Однако лично для меня он лишний раз подтвердил остроту ума Алексея Михайловича, – с заметной долей удовлетворения констатировал Резанов. – К тому же, должен признать, тем самым граф Воронцов обеспечил вам, Иван Федорович, превосходное паблисити – по возвращении в Кронштадт ваше имя непременно окажется в центре внимания аристократических кругов Петербурга. Еще бы! Получение сатисфакции не на какой-то там заурадной дуэли, а именно таким, как вы соизволили выразиться, иезуитским способом!

– Спасибо и на том, Николай Петрович, – мрачно поблагодарил Крузенштерн собеседника. – Только будь граф моим подчиненным, я бы списал его на берег в первом же порту!

– Ну, до Петропавловской гавани надо еще добратся, – многозначительно усмехнулся камергер. И добавил: – Хорошо, с графом Воронцовым я разберусь. Однако сейчас меня больше интересует, что случилось с его обезьянкой?..

Капитан отвел глаза в сторону.

– Когда вестовой изловчился и поймал-таки ее, то выбросил по моему приказу за борт, – буркнул он.

Резанов тяжело вздохнул.

– Верно говорят, что гнев – не лучший советчик. Именно эту истину и внушала всегда своим приближенным Екатерина Великая, царство ей небесное! Впрочем, другого решения я от вас, честно говоря, и не ожидал, – с плохо скрываемым чувством неприязни добавил он.

И тут случилось непредвиденное.

Крузенштерн вдруг резко вскочил с кресла и срывающимся голосом выпалил:

– Вы, Николай Петрович, видимо, забыли, что по документам Морского министерства именно я числюсь начальником экспедиции?! И что, в соответствии с этим, именно я отвечаю за все происходящее на вверенных мне судах! Вы же позволяете себе по каждому случаю, являющемуся, с вашей точки зрения, непозволительным, учинять мне разносы, как провинившемуся школьнику!

Резанов, явно не ожидавший от капитан-лейтенанта столь дерзкого выпада, посмотрел на того с неподдельным интересом. Потом, выдержав должную паузу, размеренно, чеканя каждое слово, произнес:

– Если бы вы, Иван Федорович, обратились ко мне сейчас официально, то были бы вынуждены титуловать меня, в соответствии с моим чином, «вашим превосходительством». Тогда как сами вы, согласно тем же самым чинам, титузуетесь всего лишь как «ваше благородие». Я ничего не путаю? – Крузенштерн молча потупился. – Это во-первых. Во-вторых, моя должность полномочного посланника России в Японию гораздо выше должности начальника экспедиции. Надеюсь, вы и здесь возражать не станете? Ну и, наконец, в-третьих, в инструкции, врученной мне самим государем императором, именно я называюсь главным начальником экспедиции. Вы разве не знали об этом?

– Знал, – недовольно ответил Крузенштерн. – И посему неоднократно обращался в Управление Российско-американской компании⁹ с донесениями, в коих писал, что только я,

⁹ Российско-американская компания – торговое объединение, учрежденное в России в 1799 году с целью освоения тер-

по высочайшему повелению, призван командовать экспедицией и что она вверена вам без моего ведения. Другими словами, открыто выражал свое несогласие с вашим назначением. В конечном счете, моя должность состоит ведь не только в том, чтобы смотреть за парусами!

– Почему же тогда вы, сударь, вышли в море, так и не дождавшись официального решения относительно нас с вами – двух руководителей, приписанных к борту одного судна? – снова усмехнулся камергер.

– Меня очень торопили, – огрызнулся Крузенштерн.

– Лукавите, Иван Федорович! Торопили не столько вас, сколько меня, ибо это именно мне надлежит как можно быстрее установить торговые отношения Российской империи с Японией. Так что вам, любезнейший, надо бы поумерить свои амбиции! Ибо при дворе его императорского величества никому бы и в голову не пришло, чтобы «его превосходительство» камергер Резанов оказался в подчинении у «его благородия» капитан-лейтенанта Крузенштерна! Смиритесь, сударь, это аксиома. Тем не менее наши разногласия, поскольку уж они возникли, будут теперь разрешаться официальными властями.

Крузенштерн язвительно рассмеялся:

– Учитывая ваш предстоящий визит в Японию, Николай Петрович, в Кронштадт мы вернемся только года через два...

– С чего бы такой скептицизм, Иван Федорович? Камчатка, к вашему сведению, тоже является территорией Российской империи. Вот там и будем разбираться, кто из нас прав в толковании инструкции государя императора.

Начальник экспедиции бросил на невозмутимого полномочного посланника настороженный взгляд.

* * *

Явившись по вызову Резанова, Воронцов твердым шагом вошел в его каюту и встал перед письменным столом, по другую сторону которого восседал, как обычно, в своем кресле начальник. Камергер внимательно посмотрел на подчиненного и без предисловий резюмировал:

– Не вижу на вашем лице раскаяния, Алексей Михайлович.

– В чем именно, Николай Петрович? – невинно ответил вопросом на вопрос Воронцов. Резанов невольно улыбнулся.

– Да уж, в чувстве собственного достоинства вам не откажешь, граф.

– Стараюсь брать пример с вас, ваше превосходительство.

– Отчего же так официально, ваше сиятельство? – Камергер намеренно подчеркнул принадлежность подчиненного к аристократическим кругам. «Пожалуй, следует перевести разговор в более спокойную плоскость, – подумал он. – Как-никак, а все-таки передо мной – представитель одной из самых известных в России фамилий». Даже здесь, за многие тысячи верст от Петербурга, Резанов продолжал оставаться придворным вельможей.

– Оттого что я отнюдь не мальчик для битья, ваше превосходительство.

«Породу не спрячешь, – восхищенно усмехнулся про себя Резанов, в душе даже немного позавидовав независимости собеседника. – Это, небось, не Крузенштерн, у которого за душой нет ничего, кроме амбиций».

– Присаживайтесь, Алексей Михайлович, – уже вполне миролюбиво предложил он.

– Благодарю, Николай Петрович.

риторий Русской Америки, Курильских и др. о-вов. В монопольное пользование Компании предоставлялись все промыслы и ископаемые, имевшиеся на этих территориях. Кроме того, Компания наделялась правом организации экспедиций, подчинения себе открытых новых земель и торговли с соседними странами. В связи с тем что в 1867 году Аляска была продана Россией Соединенным Штатам Америки, в 1868 году Компания была ликвидирована.

– И все-таки позвольте полюбопытствовать: как вы сами оцениваете свою затею с обезьянкой? – спросил камергер, когда Воронцов уселся в кресло.

– Положительно. Я остался весьма доволен тем, что две недели упорных ежедневных тренировок с Макакой не пропали даром. – Увидев, что Резанов вопросительно вскинул брови, Алексей Михайлович пояснил: – Считаю, что с помощью обезьянки я убил сразу двух зайцев. Во-первых, отомстил своему обидчику самым неожиданным и явно очень болезненным для него образом, а во-вторых, избавил его от гнева моего отца. Ведь вряд ли вы станете возражать, Николай Петрович, что отец, в случае моего бездействия, не воспользовался бы своими связями при дворе и не подверг бы Крузенштерна суровому наказанию.

«Ох, и умен!» – снова мысленно восхитился камергер, в который раз убедившись в незаурядности мышления графа. Вслух же спросил:

– Однако мне-то что теперь прикажете с вами делать? Я, признаться, не имею ни малейшего желания расставаться с вами, но вы своим... хм... поступком решительно лишаете меня возможности нашего дальнейшего сотрудничества...

– Моя честь и честь моего рода для меня превыше всего! – отчеканил Воронцов и протянул камергеру исписанный убористым почерком лист гербовой бумаги розового цвета, используемой исключительно для официальных документов дворянского сословия.

Николай Петрович прочел вслух:

– «Докладная записка»... Хм... – Затем, молча пробежав глазами остальной текст, задумчиво проговорил: – Сим документом вы, Алексей Михайлович, вроде как облегчаете мне жизнь...

– Исключительно из уважения к вам, Николай Петрович.

– Я вызвал вас не для того, чтобы выслушивать дифирамбы в свой адрес. – Резанов поморщился, что означало: «Знайте свое место, господин Воронцов». – Итак, насколько я понял, вы просите об отставке... – Он нашел нужное место в тексте и зачитал: – «...по причине совершенного мною поступка, несовместимого с должностью члена торговой миссии». Я правильно вас понял, Алексей Михайлович?

– Совершенно верно, ваше превосходительство.

– М-да... – досадливо протянул камергер. – А я ведь, по правде говоря, при ведении переговоров в Японии очень рассчитывал на вашу помощь. Ибо в вашем департаменте при Министерстве иностранных дел вы слывете одним из лучших знатоков восточных стран.

– Напрасно переживаете, Николай Петрович. Поскольку Япония продолжает твердо придерживаться изоляционистской политики, ваша миссия, как мне представляется, закончится тем же результатом, что и британская торговая миссия, посетившая Страну восходящего солнца пятью годами ранее. Думаю, потребуется время, и немалое, пока японцы осознают наконец свою выгоду от заключения торгового договора с Россией.

– И на чем же основывается ваш прогноз, Алексей Михайлович? – заинтересованно спросил камергер.

– Япония пока слаба экономически, поэтому ее вполне устраивает тот товарооборот, который обеспечивают ей голландцы. Но как только японцы начнут развивать собственное фабричное производство – а это неизбежно, поскольку Япония, учитывая исторический опыт ее развития, непременно захочет остаться независимым государством и станет всеми силами стремиться к этому, – они будут просто вынуждены установить торговые контакты с промышленно развитыми странами. В том числе и с Россией, своей ближайшей европейской соседкой, – заключил Воронцов, с некоторым даже вызовом взглянув на начальника, хотя, как он прекрасно понимал, отныне уже бывшего.

– Почему же вы до сих пор молчали об этом?! – искренне возмутился Резанов, неожиданно признав в собеседнике единомышленника.

– А кого раньше интересовало мое мнение? – снова вопросом на вопрос ответил Алексей Михайлович. – К тому же подобными умозаключениями я, думаю, добился бы лишь того, что меня не включили бы в состав вашей торговой миссии. Отец же очень настаивал именно на этом. Разве не так, Николай Петрович?

– Вам не откажешь в проникательности, – ответил полномочный посланник, поощрительной улыбкой подтверждая правильность хода мыслей подчиненного. «К большому моему сожалению, уже бывшего», – автоматически отметил он.

– Не переживайте, Николай Петрович, – словно прочитав его мысли, сказал Воронцов. – Даже в случае неудачного исхода переговоров ваша миссия все равно будет иметь положительное значение.

– Каким же образом, разрешите полюбопытствовать? – приподнял одну бровь камергер.

– Как дружественная инициатива правительства Российской империи. И это зачтется России в будущем.

Резанов был поражен неожиданным поворотом хода мыслей собеседника. «Надо будет обязательно использовать этот аргумент в отчете о ходе переговоров с японцами», – удовлетворенно решил он для себя. И с грустью подумал о неизбежности расставания с графом, человеком столь неординарного мышления.

– А каковы же ваши планы на будущее, Алексей Михайлович? – поинтересовался камергер, меняя тему разговора. – Вам ведь теперь придется возвращаться в Петербург через всю Сибирь в одиночку. – В его голосе прозвучало искреннее сочувствие.

– Почему же возвращаться? – недоуменно вскинул брови Алексей Михайлович. – Раз уж судьба занесла меня в столь дальние края, с моей стороны грешно было бы не воспользоваться сим благоприятным обстоятельством. Так что я намереваюсь отправиться из Петропавловска не в Петербург, Николай Петрович, а в совершенно противоположную сторону – в Русскую Америку. – Он загадочно улыбнулся.

– Хотите поступить на службу в Российско-американскую компанию? – оживился камергер. – Тогда я готов дать вам соответствующую рекомендацию, поскольку главный правитель Русской Америки Александр Андреевич Баранов не единожды жаловался в своих докладных записках на недостаток достойных помощников...

– Премного благодарен, Николай Петрович, за заботу. Уверен, что ваша протекция, с учетом того что вы являетесь председателем Главного правления Российско-американской компании в Петербурге, была бы для меня бесценна. Но, во-первых, финансовая сторона вопроса меня, как человека вполне обеспеченного, интересует крайне мало, а во-вторых, мне не хотелось бы связывать себя какими-либо обязательствами. Меня больше устраивает положение человека... свободной профессии, так сказать. Проще говоря, я хочу, если удастся договориться с Барановым о содействии, посвятить себя изучению быта местных индейцев. Ведь пока о них нет практически никаких мало-мальски достоверных сведений.

– Воля ваша, Алексей Михайлович, – вздохнул Резанов. – Как говорится, было бы предложено... И все же я отпишу из Петропавловска Баранову насчет вас. А вам... вам желаю успеха в ваших начинаниях. Я все-таки, как-никак, почетный член Петербургской академии наук, и если ваши этнографические исследования окажутся достойными внимания, в чем я не сомневаюсь, с удовольствием буду способствовать их продвижению в научных кругах. – В знак признательности Воронцов приложил руку к груди. – Однако приказ о вашем увольнении из состава торговой миссии я подпишу только по прибытии в Петропавловск, иначе, боюсь, без моего покровительства Крузенштерн устроит вам на шлюпе «веселую» жизнь. Хотя с обезьянкой на поводке вы теперь и так уже по верхней палубе не «пофланируете», выражаясь его же словами. – Камергер испытующе посмотрел на графа.

– Увы, я совершенно сознательно уготовил своей Макаке столь печальную участь. Просто у меня не было другого выхода. – Воронцов вздохнул и широко перекрестился.

Камергер понимающе кивнул и участливо поинтересовался:

– Но что же дальше? Подозреваю, что из-за инцидента, спровоцированного Крузенштерном, у вас непременно возникнут трудности с поступлением на государственную службу. Даже невзирая на большие возможности вашего отца...

Алексей Михайлович рассмеялся.

– Ах, оставьте, Николай Петрович! Какие трудности? Разве вы, например, не возьмете меня к себе на службу? Хотя бы в качестве личного секретаря?..

Наступил черед рассмеяться и Резанову.

– Да вам, Алексей Михайлович, палец в рот не клади, я гляжу! – И он шутливо погрозил собеседнику этим самым пальцем.

– А если серьезно, Николай Петрович, – продолжил Воронцов, переходя на деловой тон, – то государственная служба уже не имеет для меня большого значения. Дело в том, что недавно отец приобрел в Крыму, на побережье Черного моря, довольно большой участок земли. Пока этот участок выглядит совершенно диким, и работы на нем – непочатый край. Так что по возвращении из Русской Америки я намерен привести его в божеский вид, или, как любит выражаться отец, довести до ума.

Резанов встал и протянул графу руку для напутственного рукопожатия.

* * *

Алексей Михайлович вернулся в свою каюту и расслабленно опустился на стул. Все – жребий брошен, все точки над «і» расставлены. Теперь надо сосредоточиться на подготовке поездки в Русскую Америку. Конечно, в этом ему мог бы оказать неоценимую помощь опытный ученый-натуралист Григорий Иванович Лангсдорф¹⁰, тоже входивший в состав экспедиции, но они были знакомы лишь шапочно. «Значит, придется срочно наладить контакт», – пришел к выводу Воронцов и, придвинув стул к столу, взялся за гусиное перо, чтобы, по укоренившейся привычке, сделать набросок плана предстоящих действий.

Неожиданно раздался негромкий стук в дверь каюты. «Кого еще там принесла нелегкая?» – недовольно подумал Алексей Михайлович, но вслух вежливо произнес:

– Войдите!

На пороге вырос Андрей Шувалов, один из членов торговой миссии. Хотя Шувалов и был моложе графа, однако Воронцов успел проникнуться к нему искренней приязнью, ибо отдавал должное природным способностям и остроте ума молодого человека. Ведь тот, будучи офицером гвардии, под руководством своего друга мичмана Беллинсгаузена¹¹ смог за относительно короткий промежуток времени освоить основы морской науки и теперь исполнял на «Надежде» обязанности вахтенного офицера наравне с профессиональными офицерами шлюпа.

– Не помешаю, Алексей Михайлович?

¹⁰ Лангсдорф Григорий Иванович (1774–1852) – русский ученый-натуралист, академик. Участвовал в Первой русской кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна (1803–1806). С 1812 года – генеральный консул в Рио-де-Жанейро. В 1821–1829 гг. возглавлял русскую научную экспедицию по обследованию обширных районов Бразилии.

¹¹ Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1778–1852) – русский мореплаватель, адмирал. В 1803–1806 гг. участвовал в кругосветном плавании под командованием И.Ф. Крузенштерна на корабле «Надежда». В 1819–1821 гг. возглавлял кругосветную экспедицию на шлюпах «Восток» (командир Ф.Ф. Беллинсгаузен) и «Мирный» (командир М.П. Лазарев), отправленную в Антарктику с целью максимального продвижения к южной полярной зоне и открытия неизвестных земель. 16 января 1820 года экспедиция открыла Антарктиду, приблизившись к ней в районе шельфового ледника Беллинсгаузена. В 1821 году Ф.Ф. Беллинсгаузен открыл остров, названный им именем Петра I, и берег, названный именем Александра I.

– Проходите, проходите, Андрей Петрович. Рад вас видеть, – не покривил душой хозяин каюты, поднимаясь навстречу гостю.

– Я уже приходил к вам, но мне сказали, что шеф вызвал вас «на ковер»...

– Ваши информаторы правы лишь отчасти, – усмехнулся граф. – Да, я действительно был у Резанова, однако никакого разноса он мне не учинял. – Заметив на лице гостя тень недоверия, Воронцов уточнил: – Я всего лишь передал ему прошение об отставке.

– Как?!

– А у вас что, Андрей Петрович, есть какие-то другие предложения по выходу из положения, сложившегося в коллективе из-за нашего с Крузенштерном конфликта? – улыбнулся граф.

– Нет... – смутился Шувалов. – Просто мне ваше решение с отставкой показалось несколько скоропалительным, что ли... Не поспешили ли вы с докладной запиской, Алексей Михайлович?

– Ну вы же умный человек, Андрей Петрович! Неужели я должен был сначала выслушать от начальника нотацию по поводу моего неблагоприятного, с его точки зрения, поступка, а затем все равно услышать, извините за выражение, сакраментальное: «Пошел вон!»? Так, по-вашему?

– Нет, конечно. Просто мне искренне жаль, что вы не сможете побывать в Японии, о которой сами же не раз рассказывали нам в кают-компании много интересного.

– Не расстраивайтесь, Андрей Петрович. Я все хорошо обдумал. Лично для меня честь дворянина превыше всего. И это не просто громкие слова – это мое жизненное кредо.

– Полностью поддерживаю вас в этом, Алексей Михайлович! – горячо воскликнул Шувалов. – Ведь если бы это было не так, я никогда не пришел бы к вам после той вашей стычки с капитаном.

– Спасибо за понимание, Андрей Петрович.

– К вашему сведению, я тоже хотел вызвать Крузенштерна на дуэль! Еще во время нашей стоянки на острове Нукагива, сразу после прибытия туда «Невы»...

– Вот так новость! – слегка опешил Воронцов. – Впервые слышу.

– Да о том инциденте знают только камергер Резанов, натуралист Лангсдорф и капитан Лисянский, – пояснил Андрей Петрович. – Не считая, конечно, нас с Крузенштерном.

– И в чем же заключалась причина вашего конфликта, если не секрет? – заинтересованно спросил граф.

– Капитан неуважительно отозвался об офицерах гвардии.

– Понятно... Что ж, теперь я окончательно убедился в вашем чистосердечном ко мне отношении, Андрей Петрович. И хотя мне в свое время довелось дослужиться только до звания унтер-офицера гвардии, а не поручика, как вам, но я, поверьте, тоже непременно потребовал бы сатисфакции за нанесение подобного оскорбления.

Собеседники молча посмотрели друг другу в глаза, выказав тем самым обоюдную радость от только что прочувствованного единения родственных душ, сближающего людей порой сильнее, нежели что-то иное.

– Однако каковы же ваши планы на будущее, Алексей Михайлович? – осторожно поинтересовался Шувалов.

– Хочу из Петропавловска отправиться в Русскую Америку, – не стал скрывать тот.

– Завидую вам, – откровенно признался Андрей Петрович. – Но, надеюсь, временно. Ибо по возвращении из Японии я ведь тоже могу направиться именно в Русскую Америку и поступить, например, на службу в Российско-американскую компанию.

– Конечно, можете, Андрей Петрович. Только сам я намереваюсь заняться там изучением быта индейцев на правах частного лица. – Заметив отразившуюся на лице гостя досаду,

добавил: – Просто у меня, не в обиду вам будь сказано, больше финансовых возможностей для этого.

– Как говорится, по одежке протягивай и ножки, – рассмеялся гость, давая понять, что нисколько не обижен на слова графа.

– Ну вот и слава богу, – облегченно выдохнул Алексей Михайлович. – Тем не менее вынужден вам признаться: хоть я и окончил Петербургский университет, однако испытываю определенный недостаток знаний в методике проведения исследовательских работ. Поэтому мне потребуется ваша помощь, Андрей Петрович.

– Я весь внимание, – с готовностью ответил молодой человек.

– Вы ведь находитесь в дружеских отношениях с Григорием Ивановичем Лангсдорфом, натуралистом нашей экспедиции?

Шувалов утвердительно кивнул и добавил:

– Да, мы с ним совершали восхождение на Тенерифский пик на Канарских островах и обследовали остров Нукагива в Тихом океане.

– Вот в связи с этим я и прошу вас оказать мне протекцию. Организовать, так сказать, творческую встречу с ним. Ведь Лангсдорф, как-никак, является членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

– Нет ничего проще, Алексей Михайлович! Я прямо сейчас, не теряя времени, и отправлюсь к нему!

– Большое вам спасибо, Андрей Петрович! Буду весьма признателен за посредничество.

– Не стоит благодарности, Алексей Михайлович. Разрешите откланяться.

Мужчины поднялись и крепко пожали друг другу руки.

Глава 2

Камчатка

Сразу по возвращении в Петропавловск камчатского губернатора генерал-майора Кошелева, проскакавшего по бездорожью семьсот верст из Нижнекамчатска всего за две недели (так спешил увидеть соотечественников, по общению с которыми страшно соскучился в своей Богом забытой области), Резанов обратился к нему с просьбой разобраться в его конфликте с Крузенштерном. Внимательно выслушав полномочного посланника России в Японию и изучив представленные им документы, Кошелев назначил и провел следствие, обернувшееся для Крузенштерна весьма неблагоприятными выводами.

* * *

Когда были получены предварительные результаты расследования, Кошелев пригласил Резанова и Крузенштерна в свой кабинет. Полномочный посланник выглядел абсолютно спокойным, начальник экспедиции явно нервничал, сам губернатор был слегка взволнован.

– Господа, – обратился последний к фигурантам следствия, – я пригласил вас, чтобы ознакомить с предварительными результатами расследования по факту ваших разногласий, послуживших причиной возникновения между вами конфликта. Итак, в ходе расследования было установлено, что вопреки воле государя императора, изложенной в соответствующей инструкции и врученной полномочному посланнику в Японию камергеру Резанову, капитан-лейтенант Крузенштерн попытался оспорить права господина Резанова на главенство в экспедиции. Тем самым господин Крузенштерн поставил под угрозу возможность успешного ведения переговоров по установлению торговых отношений с Японией, что, в свою очередь, способно нанести непоправимый ущерб интересам Российской империи в Восточно-Тихоокеанском регионе. Более того, все офицеры шлюпа «Надежда» и их подчиненные невольно оказались втянуты в эту крайне неблагоприятную для интересов России ситуацию, и поэтому я, как представитель высочайше предоставленной мне государственной власти, вынужден буду принять соответствующие меры по ее устранению. Однако для начала мне хотелось бы выслушать мнение по этому вопросу зачинщика конфликта. То есть господина Крузенштерна.

К концу пространной тирады губернатора Крузенштерн уже понял, что крупных неприятностей ему не избежать, а это могло иметь роковые последствия для его карьеры. Осознал он, однако, и то, что сейчас Кошелев предоставляет ему последний шанс хоть как-то исправить сложившееся на «Надежде» положение дел, виновником которого признали именно его, младшего и по чину, и по должности. Поэтому решительно поднялся со своего места и, обращаясь к губернатору, приступил к оправдательной речи:

– Ваше превосходительство! Я в полной мере осознаю и признаю свою вину за сложившуюся на судне нездоровую обстановку и готов понести за это заслуженное наказание. И все-таки, в интересах нашего общего дела и учитывая мой непререкаемый авторитет у всей команды высочайше вверенного мне шлюпа, покорнейше прошу вас не давать следствию дальнейшего хода! А вам, ваше превосходительство, – повернулся он к Резанову, – я приношу искренние извинения за свое недостойное поведение и твердо заверяю вас, что впредь не допущу ничего подобного. Другими словами, я безоговорочно признаю ваше главенство.

«Ишь как заговорил, когда ему хвост прищемили, – усмехнулся про себя камергер. – Сразу и о моем титуле вспомнил! Ну да ладно, это теперь дело пятое. Главное, что признал мое главенство, и, значит, отныне я смогу работать спокойно».

– Я понял вас, господин Крузенштерн, присаживайтесь, – кивнул губернатор. – И поскольку это наше совещание неофициальное, ибо, как вы оба, надеюсь, заметили, протокол не ведется... – Он замолчал и выжидающе воззрился на Резанова.

– Я принимаю ваши извинения, Иван Федорович, – благосклонно произнес камергер, тоже поднявшись с места. – Вы действительно опытный капитан, и к тому же являетесь основным инициатором Первого кругосветного путешествия, осуществляемого кораблями русского флота. Поэтому считаю несправедливым лишить вас возможности успешно завершить его. Да и повинную голову, как известно, меч не сечет... Посему любезно прошу вас, уважаемый Петр Иванович, – обратился он уже к губернатору, – прекратить дело в отношении капитан-лейтенанта Крузенштерна... – (тот облегченно проглотил застрявший в горле комок) – ...но только после того как он принесет мне... публичные извинения.

– Я непременно сделаю это, Николай Петрович! – снова вскочил Крузенштерн. Глаза его увлажнились от счастья. – Сегодня же, в кают-компании «Надежды»! В присутствии всех офицеров, ученых экспедиции и членов торговой миссии! – с готовностью выпалил он.

– Ну что же, – многозначительно изрек губернатор, подытоживая неофициальное совещание, – пожалуй, я исполню просьбу многоуважаемого мною камергера Резанова. – По лицу губернатора было видно, что он и сам остался весьма доволен столь благополучным исходом дела, проведенного им по просьбе придворного вельможи, который, по слухам, дошедшим до него от друзей из Петербурга, был близок к самому императору Александру I.

* * *

Резанов свое обещание сдержал: приказ об исключении Воронцова из состава торговой миссии подписал только после предварительной договоренности о его обустройстве с вернувшимся в Петропавловск губернатором. Тот, буквально источая волны радушного гостеприимства, охотно согласился приютить опального графа – на время, до первой же оказии переезда в Русскую Америку, – в своем довольно просторном доме. Его супруга, сильно истосковавшаяся по общению с жителями стольного Петербурга, несказанно обрадовалась неожиданному постояльцу, который вдобавок оказался еще и аристократом.

Благодаря все тому же губернатору разрешился наконец вопрос и с Кабри, беглым французским матросом, нелегально обретавшимся на шлюпе. Когда корабли экспедиции покидали гостеприимный остров Нукагива, тот тайно проник на «Надежду» и был обнаружен членами экипажа лишь в открытом океане. Будучи вне себя от гнева, Крузенштерн пообещал тогда высадить наглеца на первом же встреченном по пути на Камчатку острове. Однако когда шлюп причалил к Гавайским островам, Кабри упал капитану в ноги, умоляя пощадить его. Оказывается, он заметил на берегу знакомого английского миссионера, который, по словам беглеца, непременно передаст его капитану первого же французского судна, и тогда на родине ему не избежать виселицы. Сжалившись, Крузенштерн махнул на приبلудного француза рукой: согласился оставить его на шлюпе до лучших времен. К тому же тот не зря ел казенный хлеб: оказался опытным и расторопным матросом.

Теперь же, по прибытии в Петропавловск, Крузенштерн обратился к Кошелеву с просьбой избавить его от беглеца, и губернатор взял того к себе на службу в качестве лакея (в те времена в барских домах считалось модным иметь слугу-француза). А Софья Михайловна, супруга губернатора, тут же определила Кабри в услужение к постояльцу-аристократу.

* * *

Алексей Михайлович готовился к переезду. Он собирал и сортировал свои вещи, не так уж чтобы и многочисленные, а Кабри тщательно упаковывал их и сносил в катер, который, по случаю долгожданного избавления от ненавистного соперника, «любезно» предоставил им Крузенштерн.

Взяв в руки цепочку с ошейником Макаки, Воронцов ненадолго задумался, а затем решительно присовокупил поводок к очередной стопке отсортированных вещей. «Сохраню. В память о заслугах Макаки перед нашим родом», – горестно вздохнул он.

Когда сборы были почти закончены, в дверь негромко постучали, и после разрешительного возгласа графа: «Входите!» в каюту нерешительно протиснулся Григорий Иванович Лангсдорф, сопровождаемый Андреем Петровичем Шуваловым.

– Мы, кажется, не вовремя, Алексей Михайлович... – стеснительно проговорил ученый, окинув взглядом стопки еще не упакованных вещей. – Просто, извините, не смогли не попрощаться с вами перед грядущей вашей одиссеей...

– Что вы?! – воскликнул искренне обрадованный неожиданным визитом граф. – Я рад видеть вас обоих всегда и при любых обстоятельствах! – Он многозначительно посмотрел на Кабри, и тот, понимающе схватив пару тюков, моментально исчез.

– Вышколенный, однако, получился слуга из нашего приятеля Кабри! – по-доброму усмехнулся ученый.

– Он же был у вас переводчиком, Григорий Иванович, когда вы с Андреем Петровичем обследовали Нукагиву, так что вы должны знать его даже лучше, чем я, – в тон ему улыбнулся Воронцов.

– Помню, было такое дело... – ностальгически вздохнул натуралист. – А вам вот еще только предстоит путешествие по неведомым просторам Русской Америки! – В глазах его мелькнули искорки неподдельной зависти.

– Полагаю, ваше предстоящее путешествие в глубь Бразилии, о которой вы столь красочно и образно рассказывали нам в кают-компании, окажется не менее грандиозным, Григорий Иванович, – подбодрил его граф.

– Ну, мое путешествие пока еще в далекой перспективе, Алексей Михайлович. Очень далекой. Сейчас же позвольте мне еще раз дать вам несколько практических советов, которые, я надеюсь, окажутся для вас полезными в будущем.

– Буду чрезвычайно благодарен вам за вашу любезность, уважаемый Григорий Иванович.

И опытный натуралист, принимавший участие в ряде посвященных естественной истории экспедиций, прочел графу последнюю краткую лекцию о порядке сбора научной информации и ее предварительной обработке, снабдив свой рассказ действительно ценными деловыми советами.

Прощаясь, Алексей Михайлович крепко пожал руки и ученому, и поручику гвардии.

– Большое спасибо вам, Григорий Иванович, за ваши воистину бесценные советы! – от всей души поблагодарил он натуралиста. – И дай вам Бог успехов в вашей плодотворной научной деятельности!

– Ни пуха ни пера! – напутствовал его в ответ Лангсдорф.

– К черту! – в тон ему ответил Воронцов. Потом повернулся к Шувалову: – А вас, Андрей Петрович, буду ждать через год в Русской Америке. – И рассмеялся, увидев проступившую на лице ученого растерянность. – Это наша небольшая тайна, Григорий Иванович...

* * *

Граф переселился в уютный флигель губернаторского дома, и Кабри на удивление расторопно, словно всю жизнь только этим и занимался, разместил в нем вещи своего нового хозяина. «Повезло мне, кажется, со слугой, – размышлял Воронцов. – К тому же он почти ничего не понимает по-русски, а отец когда-то говорил, что многие слуги любят прислушиваться к разговорам хозяев, напуская на себя при этом совершенно равнодушный вид». Вспомнив о Михаиле Петровиче, которого боготворил, об отчем доме и многочисленной прислуге в их большом родовом особняке, граф невольно вздохнул.

Когда же Алексей Михайлович завел с Софьей Михайловной, единолично управлявшей, как он успел понять, всем губернаторским хозяйством, разговор о возмещении расходов по своему содержанию, та даже не просто обиделась, а прямо-таки взъерилась:

– Да на каком основании вы, Алексей Михайлович, позволяете себе оскорблять нас с супругом?! – в крайнем возбуждении воскликнула она, и ее прелестные губки обиженно скривились. – Мы с мужем почли за великую честь принять вас в нашем доме в качестве дорогого гостя, а вы... вы смеете заводить речь о каком-то возмещении каких-то расходов?! – Глаза женщины наполнились слезами.

Не ожидавший столь яростного отпора, Алексей Михайлович поспешно взял ее холечную ручку и благодарно поцеловал со словами:

– Простите, Софья Михайловна! Я был не прав. Прошу вас, давайте останемся друзьями!..

– Вот с этого и нужно было начинать, милейший граф! – мгновенно сменила гнев на милость генеральша и кокетливо поправила локон, упавший чуть ранее – видимо, от возмущения поведением его сиятельства – ей на щечку. – На вас ведь даже наши дети смотрят с благоговением!

На этом случайный инцидент был исчерпан.

* * *

К тому времени старший сын губернатора был уже произведен в подпоручики и служил при отце, однако помимо него в семье подрастали еще двое детей – мальчик и девочка, погодки. Никаких учебных заведений в Петропавловске не имелось, и обучением подростков занимались сами родители да чиновник губернской канцелярии, нанятый ими в качестве учителя. Впрочем, подобная практика была распространена в те годы в большинстве дворянских имений, рассеянных по многочисленным губерниям Центральной России.

Решив неожиданно попробовать себя в качестве репетитора, Алексей Михайлович сообщил о своем желании Софье Михайловне, и та, выслушав его, буквально вспыхнула от счастья. И не напрасно: надо было видеть глаза ее детей, когда те зачарованно слушали рассказы графа о легендарных военных походах Юлия Цезаря и Александра Македонского, героях Троянской войны и мифах Древней Греции! На уроках географии перед ними словно наяву разрастались африканские джунгли, где на лианах с громкими криками раскачивались стаи обезьян. Когда же репетитор переходил к рассказам о непроходимых дебрях Бразилии, населенных длиннющими удавами-анакондами, которые могут запросто удушить человека своими крепкими «объятиями», или о реках, кишящих кровожадными пираньями, способными буквально за несколько минут оставить от случайно забредшего в воду быка один скелет, брат с сестрой судорожно хватали друг друга за руки.

Алексей Михайлович быстро определил пробелы в знаниях детей по отдельным дисциплинам и стал терпеливо и методично устранять их. Это касалось не только истории с

географией, но также арифметики и языков – французского и латинского. Учитель-чиновник поначалу ревниво отнесся к появлению конкурента, однако, признав вскоре его превосходство, стал относиться к графу-репетитору с должным почтением. К тому же тот при каждом удобном случае успокаивал его:

– Я-то ведь здесь задержусь ненадолго, Яков Степанович, а вот вам предстоит заниматься с детьми еще несколько лет. Так что моя нынешняя посильная помощь лишней, надеюсь, не окажется.

– Ни в коем случае, ваше сиятельство! К тому же вы, в отличие от меня, получили блестящее университетское образование, – вздыхал тот.

– А также имею опыт работы столоначальником в Министерстве иностранных дел, – не без гордости добавлял Алексей Михайлович, и чиновник начинал взирать на него с благоговейным внутренним трепетом.

Сама же Софья Михайловна, предварительно заручившись разрешением Алексея Михайловича, усаживалась теперь в дальнем уголке комнаты для занятий и – поначалу исключительно из женского любопытства, а затем и с чувством глубокой материнской признательности – наблюдала за учебным процессом. Более всего женщину удивляло, что ее дети не только слушают рассказы репетитора по истории, географии и другим естественным наукам, как замороженные, но еще и добросовестно, а главное, охотно скрипят перьями, решая задачки по арифметике. «Настоящий чародей!» – мысленно умилялась губернаторша, поскольку прежде учитель Яков Степанович неоднократно жаловался ей на явное нежелание ребят заниматься арифметикой. И тут вдруг на тебе – наперегонки щелкают задачу за задачей, лишь изредка, столкнувшись, видимо, с чем-то не до конца еще для них понятным, обращаясь к репетитору с вопросами. «Маг, воистину маг!» – вынесла Софья Михайловна окончательный вердикт постояльцу.

Поэтому однажды вечером, за ужином, она не утерпела и в самых восторженных тонах поделилась с супругом своими впечатлениями от занятий Алексея Михайловича с их детьми. Внимательно, не перебивая, выслушав эмоциональный монолог жены, губернатор обратился к графу:

– Премного благодарен вам, Алексей Михайлович! К сожалению, здесь, в Петропавловске, мои возможности в обеспечении детей достойным образованием крайне ограничены, так что ваша помощь в этом вопросе просто бесценна.

– Так вы еще не знаете, Петр Иванович, – вновь завладела вниманием мужа не в меру разоткровенничавшаяся Софья Михайловна, – что Алексей Михайлович, едва поселившись у нас, осмелился завести со мной разговор о возмещении нам расходов по его, видите ли, в нашем доме содержанию!

Губернатор, нахмурившись, вопросительно посмотрел на смутившегося графа.

– Был такой разговор, Петр Иванович, каюсь. Однако поймите и вы меня правильно: в силу своего воспитания я просто не мог оставить столь щекотливый вопрос без внимания. К тому же этот наш разговор с Софьей Михайловной состоялся еще до того, как я начал заниматься с вашими детьми. И, кстати, до сего дня я считал то давнее недоразумение благополучно разрешенным. – Воронцов бросил укоризненный взгляд на генеральшу.

– Да мы, Алексей Михайлович, за вашу добрую услугу по гроб жизни будем вам обязаны! – вспыхнула Софья Михайловна. – Я только и делаю, что молю Бога, чтобы это судно, которого вы ждете, не появилось у наших берегов до самой весны.

– А может, вы и впрямь задержитесь у нас до весны? – с надеждой в голосе спросил губернатор. – Условия, чтобы пережить зиму, мы вам создали вроде бы неплохие, тогда как Новоархангельск, новый административный центр Русской Америки, только-только начал отстраиваться после бунта индейцев...

– Какого бунта?! – встрепенулся Алексей Михайлович.

И губернатор коротко поведал графу о заинтересовавших его событиях.

...В 1802 году Баранов вместе с отрядом русских поселенцев отправился на судах компании в небольшое морское путешествие с целью обследования и описания Чугачского залива к северу от архипелага Александра. Именно во время его отсутствия и взбунтовалось одно из индейских племен, населявших в Ситкинском заливе остров с некогда построенной на нем Архангельской крепостью. Подстрекаемые американцами, шхуна которых укрывалась в десяти милях за мысом, и снабженные ими же ружьями, порохом и свинцом для пуль, индейцы взяли эту крепость штурмом, после чего перебили всех обитавших в ней русских и алеутов с острова Кадьяк, включая женщин и детей. Попутно они разграбили склад Российско-американской компании, в котором хранились две тысячи шкур морских бобров¹², а деревянные крепостные стены и прочие постройки попросту сожгли.

Правда, после отплытия шлюпа «Надежда» из Петропавловска в Японию губернатор получил сообщение, что с помощью воинов индейских племен, сохранивших верность Российско-американской компании, и моряков возглавляемого Лисянским шлюпа «Нева» из экспедиции Крузенштерна бунт индейцев был подавлен, и те вынуждены были уйти через горы на северо-восток острова, где и основали новое поселение. Баранов же, решив сожженную Архангельскую крепость не восстанавливать, распорядился на месте бывшего поселения бунтарей-индейцев, во всех отношениях весьма удобном, основать новый административный центр Русской Америки и назвать его Новоархангельском. Более того, на вершине ближайшего холма он собственноручно водрузил трехцветный флаг Российской империи, символизируя тем самым окончательное присоединение островов архипелага Александра к России.

Рассказ губернатора потряс Алексея Михайловича, ибо он даже не предполагал подобного рода событий в Русской Америке, куда так стремился. В то же время сообщение Петра Ивановича о том, что индейские племена, населявшие побережье Северо-Западной Америки, не только не поддерживали бунтарей, но и, напротив, с оружием в руках выступили против них, обнадеживало. Во всяком случае Воронцов с облегчением понял, что дорога в заветную Русскую Америку для него по-прежнему открыта.

– Благодарю за ценную информацию, Петр Иванович, – сказал он губернатору. – И спасибо за предложение остаться у вас до весны. Однако вынужден отказаться: мне необходимо отбыть в Русскую Америку с первой же оказией. Да и бытовые неудобства меня не пугают: думаю, ближайшую зиму, а может, и не одну, мне все равно придется провести в индейских вигвамах. – Софья Михайловна на этих его словах брезгливо передернула плечами. – Что же касается занятий с детьми, то я уже оставил Якову Степановичу несколько действенных рекомендаций по ведению учебного процесса. Надеюсь, он примет их к исполнению.

– Пусть только посмеет не принять! – вскинулась Софья Михайловна. – Сразу после вашего отъезда я, Алексей Михайлович, возьму ход учебных занятий под личный контроль. Не зря же я как мышка-норушка, – она рассмеялась, явно довольная собственным сравнением, – часами просиживала в уголке, наблюдая за вашими уроками и осваивая основы педагогики!

– Ну все, пропал теперь мой Яков Степанович! – нарочито испуганно всплеснул руками губернатор.

– А вы не ерничайте, Петр Иванович! Если помните, учителем для наших детей его нанимала именно я, – парировала Софья Михайловна. – Хотя, разумеется, с вашей подачи, – не преминула она уколоть супруга.

¹² Морской бобр (камчатский бобр, морская выдра, калан) – хищное млекопитающее семейства куньих. Тело длиной до 1,5 м покрыто густым шелковистым темно-бурым, иногда почти черным мехом. Морские бобры были широко распространены в северной части Тихого океана и у берегов Америки – от Аляски до Калифорнии. В результате хищнического промысла данный вид животных был почти полностью истреблен. Ценный пушной зверь (мех красивый, теплый и прочный).

Кошелев, желая положить конец привычной семейной перепалке, не очень уместной в присутствии графа, примирительно сказал:

– Да Бог с вами, душенька, поступайте с Яковом Степановичем, как сочтете нужным. – И поспешил переключиться на постояльца: – Алексей Михайлович, у меня есть к вам еще одно предложение, весьма, на мой взгляд, заманчивое.

– Какое же?

– Вы ведь гостите в Петропавловске уже почти месяц? – Воронцов согласно кивнул. – Вот! И до сих пор ничего, кроме немногочисленных бревенчатых зданий, а в большинстве своем просто изб, еще не видели! Потому-то я и решил предоставить вам возможность ознакомиться хотя бы с ближайшими окрестностями нашего города. Для этого уже распорядился подготовить трех верховых лошадей и дал соответствующие наставления конюху губернской канцелярии Осипу Макаровичу, который будет исполнять при вас обязанности проводника. Он опытный и по-своему интересный человек, хорошо знающий Камчатку. Кабри отправится вместе с вами.

– А я, – тут же вмешалась в разговор мужчин Софья Михайловна, – распорядюсь приготовить вам в дорогу сытный обед, чтобы вы смогли устроить замечательный пикник на свежем воздухе! – Женщина гордо вскинула подбородок, явно довольная тем, что и ей представилась возможность внести свою лепту в подготовку к предстоящей прогулке графа.

– Кстати, а привычны ли вы к верховой езде, Алексей Михайлович? – заволновался вдруг Кошелев.

– Обижаете, Петр Иванович! Во-первых, я все-таки вырос в графской семье, где верховой езде, фехтованию и танцам уделялось особое внимание. – При упоминании о танцах глаза Софьи Михайловны загорелись неподдельным интересом. – Во-вторых, я с самого детства был приписан к лейб-гвардии кирасирскому полку, которым командовал мой отец, и даже дослужился до чина унтер-офицера. А вот моему Кабри, боюсь, действительно придется несладко, – улыбнулся граф.

– Потерпит, – небрежно махнул рукой губернатор. – В конце концов, он всего лишь ваш слуга. Главное, что у вас, как у бывшего кавалергарда, не возникнет никаких проблем с лошадью. – Он облегченно вытер белоснежным носовым платком вспотевший лоб, а затем задумался, явно что-то прикидывая в уме. Потом огласил вывод, к которому пришел: – Сейчас конец августа, а это самое благодатное время на Камчатке. Посему назначаю выезд на послезавтра, на раннее утро. – И он вопросительно посмотрел на Алексея Михайловича.

– Буду готов, – заверил тот.

* * *

Утром назначенного дня, сразу после завтрака, Алексей Михайлович с ружьем, закинутым за спину, и сопровождаемый нагруженным съестными припасами Кабри и всей губернаторской семьей, прибыл к зданию губернской канцелярии. Там, у коновязи с тремя верховыми лошадьми, уже топтался в ожидании Осип Макарович. Поздоровавшись с ним, Алексей Михайлович поинтересовался, какую лошадь тот приготовил именно ему.

Подойдя к указанному жеребцу, тревожно косившему глазом и нервно раздувавшему ноздри, граф по-хозяйски похлопал его по шее и протянул заранее припасенный кусочек рафинада. Почувствовав мягкое прикосновение к ладони лошадиных губ, аккуратно взявших лакомство, он обнял жеребца за шею и прижался своей головой к его голове. И тот вмиг как-то обмяк, перестал дрожать и нервно переступать с ноги на ногу.

– Признал хозяина, ваше превосходительство! – восторженно воскликнул Осип Макарович, обращаясь к губернатору. – Воистину признал! Сразу видно, что человек умеет обращаться с лошадьми, – добавил он, уважительно глянув на графа.

Члены семьи губернатора довольно заулыбались, и Алексей Михайлович, вежливо улыбнувшись в ответ, снял с плеча ружье и со знанием дела приторочил его к седлу. Затем вставил ступню левой ноги в стремя и легко и непринужденно перекинул тело в седло. Петр Иванович мелко перекрестился: не обманул граф, и впрямь опытным наездником оказался!

Воронцов же меж тем натянул поводья, вздыбив жеребца, а потом отпустил их и сделал небольшой круг на рысях, чем вызвал очередной одобрительный гул присутствующих.

– И как же зовут этого красавца? – спросил граф проводника, похлопывая резвого жеребца по шее.

– Буцефалом, ваше сиятельство, – поклонился Осип Макарович.

– Надо же! – шутливо удивился Воронцов. – Выходит, мне предстоит гарцевать на любимом коне самого Александра Македонского! А вашего жеребца, случайно, не Росинантом кличут? – с улыбкой полюбопытствовал он.

– Откуда вы знаете, ваше сиятельство? – опешил от удивления Осип Макарович.

– Нетрудно догадаться. Ведь если один из жеребцов – Буцефал, то другой непременно должен быть Росинантом, неизменным спутником странствующего рыцаря Дон Кихота Ламанчского. Интересно другое: где вы почерпнули столь похвальные исторические знания?

– Так ведь у его превосходительства, – смущенный похвалой графа, конюх уважительно глянул в сторону губернатора, – имеется большая домашняя библиотека, и они соизволяют давать мне книжки по своему выбору. Вот я их и читаю вечерами...

– Хорошее и весьма полезное занятие, Осип Макарович, – одобрительно произнес Воронцов. – Ибо знания лишними никогда не бывают.

– Спасибо вам на добром слове, ваше сиятельство! – зарделся тот от очередной похвалы, произнесенной к тому же при господах.

Тем временем Кабри нерешительно приблизился к третьей, свободной лошади и замер перед нею как вкопанный, явно не зная, что ему делать дальше.

– Вы что же, Кабри, никогда лошадей не видели? – с наигранным удивлением окликнул его восседавший на Буцефале граф.

– Отчего же, мсье, видел, конечно. Только я ведь вырос в семье докера, а верховые прогулки на лошадях считались у нас в Марселе делом исключительно господским.

– Осип Макарович, помогите несчастному мореплавателю оседлать кобылу, – распорядился граф.

Конюх умело и расторопно помог графскому слуге вскарабкаться на лошадь.

– Благодарю вас, мсье, – сказал ему Кабри по-французски.

Осип Макарович беспомощно посмотрел на графа, и тот перевел ему благодарственные слова француза на русский язык.

– Тогда скажите своему слуге, ваше сиятельство, чтобы он не пользовался поводьями. Пусть лучше отпустит их, а сам покрепче держится за луку седла. Я ведь подобрал для него самую смирную кобылу, так что она без лишних понуканий сама пойдет за вашим Буцефалом.

– А ее, часом, не Марией Медичи зовут? – рассмеялся Алексей Михайлович.

– Никак нет, ваше сиятельство! – уже смелее ответил Осип Макарович, успевший несколько привыкнуть к манере разговора графа. – Ее так и кличут – Смирная.

Затем он ловко оседлал своего Росинанта и, дождавшись разрешающего кивка Алексея Михайловича, возглавил кавалькаду. Провожающие напутствовали путешественников дружным многоголосием, среди которого особо выделялся не по годам звонкий голос Софьи Михайловны:

– Доброго пути, Алексей Михайлович!

* * *

Сразу за городом всадники обогнули Култушьё озеро, отделенное от Авачинской губы нешироким перешейком, над которым кружили крикливые чайки, выискивая добычу на мелководье. Ехали шагом: Осип Макарович резонно опасался, что при более резвой езде неопытный Кабри может вывалиться из седла. Догадавшись о его опасениях, Алексей Михайлович обернулся и спросил:

– Как чувствуете себя, Кабри?

– Вполне сносно, мсье, – довольно бодро ответил тот, явно уже несколько освоившись в седле.

– Тогда предлагаю перейти на легкую рысь, иначе с таким аллюром мы уже через десяток верст вынуждены будем повернуть назад, – резюмировал граф. – Посему примите совет: если вдруг испугаетесь чего-нибудь, сразу цепляйтесь за гриву лошади и как можно крепче прижимайтесь к ее шее. Но ни в коем случае не хватайтесь за поводья. Ни в коем случае! Вы поняли меня, Кабри?

Тот утвердительно кивнул, и Воронцов, к великому удовольствию Осипа Макаровича, приказал перейти на легкую рысь.

Спустя какое-то время путешественники подъехали к полноводной реке Аваче, стремительно несущей свои воды в Авачинскую губу. Через реку был перекинут деревянный мост, на редкость добротный. Да оно и понятно, ведь именно эта дорога, вернее сказать, конная тропа, связывала Петропавловск с Нижнекамчатском, расположенным почти в самой северной точке тихоокеанского побережья полуострова, и с Большерецком, раскинувшимся на побережье уже Охотского моря.

Отсюда открывался потрясающий вид на Корякскую сопку, и, очарованный ее красотой, Алексей Михайлович попросил проводника остановиться. Тот послушно придержал коня и приблизился к графу.

Со стороны Петропавловска вулкан был почти полностью закрыт прибрежной сопкой, а здесь предстал взору во всей своей первозданной красе. Его белоснежный конус высотой более 11 тысяч футов упирался в девственно голубое небо, из кратера тянулся вверх дымный шлейф.

Правее возвышался другой вулкан – пониже и довольно странного вида. Судя по всему, в далекие доисторические времена титанической силы взрыв срезал наискось, как ножом, его конус примерно на треть от вершины, а затем на этом месте вырос новый вулкан, но меньшей высоты и несколько уже старого. То была Авачинская сопка.

На первый взгляд казалось, что отсюда до вулканов рукой подать, однако проводник знал, что это обманчивое впечатление: на самом деле расстояние до их подножий составляло не менее 35–40 верст. Все трое смотрели сейчас на чудо природы под названием «вулканы» как завороченные, даже Кабри перестал постанывать.

– Дымный шельф – это предшественник извержения? – поинтересовался Воронцов у Осипа Макаровича.

– Нет, ваше сиятельство. Вот когда в прошлом году вулкан решил разбушеваться, дым из кратера поднимался вверх аж на целую версту. А в чреве его раздавался неумолчный гул, и даже в Петропавловске чувствовались подземные толчки, правда, не очень сильные. Потом из кратера полетели снопы искр и огромные раскаленные камни. («Вулканические бомбы»¹³, – уточнил про себя Алексей Михайлович.) А еще чуть позже по склонам вулкана

¹³ Вулканическая бомба – сгусток лавы в жидком или плазменном состоянии, выброшенный во время извержения вулкана из кратера и принимающий во время полета в воздухе ту или иную форму. Размеры вулканических бомб достигают

потекли потоки огненно-красной лавы. Вот уж когда было страсть как жутко! – Осип Макарович опасливо покосился на графа: вдруг решит, что он завирает? Однако сосредоточенный вид сиятельного спутника успокоил конюха, и он воодушевленно продолжил: – Ныне же вулкан отдыхает. Думаю, подымит еще чуток да и затихнет, как соседняя Авача...

Двинулись дальше. Когда проезжали мост, Кабри, испуганный видом стремительно несущейся внизу воды, крепко вцепился в гриву лошади и вплотную прижался к ее шее. «Молодец француз! – отметил мысленно Алексей Михайлович. – Первый экзамен сдан успешно: инстинкт самосохранения сработал вовремя».

Немного погодя выехали на дорогу, вдоль которой росли лишь редкие кусты с разбросанными между ними, наподобие ландышей, островками черемши да каменные березы, чьи ветви образовывали не раскидистые кроны, как в среднерусской полосе, а тянулись под углом вверх.

– Где же тогда жители Петропавловска берут сосновые бревна для постройки своих домов? – вновь обратился с вопросом к проводнику граф, озадаченный видом столь скудной растительности.

Осип Макарович охотно сообщил, что в ближайших окрестностях Петропавловска сосновых боров действительно нет. Однако начиная от истоков реки Камчатки и далее по ее течению на северо-восток, вплоть до впадения в Тихий океан, растут настоящие таежные леса, в которых в изобилии водятся соболь и куница. Но поскольку леса эти расположены довольно далеко, бревна приходится тащить волоком с помощью лошадей, ввиду чего дома в Петропавловске стоят очень дорого.

Присмотревшись, Алексей Михайлович действительно разглядел на дороге оставшиеся от волока бревен борозды, правда, изрядно уже поросшие травой.

– А из чего же тогда выстроили свои дома моряки Второй Камчатской экспедиции Беринга, которые, собственно, и положили начало Петропавловску во время их первой зимовки в этих местах? – не успокаивался любознательный граф. – У них-то лошадей ведь не было!

– Дело в том, ваше сиятельство, что на берегах Авачинской губы в те времена во множестве росли пихты. Вот их-то и рубили, а затем на буксире сплавляли шлюпками по воде к Петропавловской гавани. Теперь же вырубка пихт строжайше запрещена. Но не могу не отметить, что корабельные плотники были отличными мастерами своего дела: дома, срубленные ими, до сих пор, по прошествии вот уже более полувека, слывут в городе самыми крепкими.

Дорога между тем пошла на подъем, и, поднявшись вскоре на небольшой перевал, путники остановились. Справа возвышался конус Корякского вулкана, но теперь уже намного ближе: даже отсюда на его склонах были различимы длинные борозды, оставленные потоками лавы. Слева же простиралась широкая долина, упиравшаяся прямо в высокие острокопечные горы Срединного хребта, покрытые темно-зелеными пятнами кедрового стланика.

– Пойма реки Быстрой, впадающей в Охотское море, – пояснил Осип Макарович. – Здесь-то, между галечными берегами, заросшими шеламайником – смесью тополя, ив и ольхи, – она течет широко и спокойно, а вот в теснине Ганальского прохода, что находится между Восточным и Срединным хребтами, превращается в бурную стремнину, подтверждая тем самым свое название. Сейчас мы спустимся прямо к реке, проедем пару верст вверх по ее течению, и потом я покажу вам одно из чудес Камчатки.

– Вы меня заинтриговали! – воскликнул Алексей Михайлович, вызвав у проводника довольную улыбку.

Всадники гуськом спустились к реке и неспешно двинулись по ее левому берегу. Когда пересекли по деревянным мосткам какой-то безымянный ручей, проводник свернул вправо. Добравшись до небольшой лужайки, он ловко соскочил с жеребца и предложил спутникам сделать то же самое.

Алексей Михайлович, охотно последовав его примеру, принялся разминать затекшие ноги, а Кабри, сползший с кобылы с помощью Осипа Макаровича, с трудом доковылял до ближайшего большого валуна, облегченно на него плюхнулся, но тут же с искаженным от боли лицом вскочил.

– Натер задницу о седло, бедолага, – хмыкнул Осип Макарович, уже уразумевший, что по-русски француз мало что понимает. – Ничего, иноземец, сейчас я тебя вылечу... – Быстро раздевшись догола, он плюхнулся в протекавший рядом ручей, подернутый легким парком, и блаженно воскликнул: – Ох и благодать же, ваше сиятельство! Ныряйте следом, ей-ей, не пожалеете!

Вода оказалась горячей, но вполне терпимой, и Алексей Михайлович самозабвенно вытянулся в ней во весь рост. «До чего ж благодатна камчатская земля, – думал он, омываемый горячими струями, – и богата термальными источниками! Помнится, я читал о них у Крашенинникова¹⁴ в “Описании земли Камчатки”... Но одно дело – читать, и совсем другое – испытать их неповторимую прелесть на себе».

– Кабри! – позвал он. – Вы что, ждете особого приглашения?!

Слуга нехотя разделся и, опасливо кряхтя, шагнул в ручей. Однако почти тотчас лицо его озарилось прямо-таки детской радостью.

– Шарман, мсье, воистину шарман!.. – восхищенно забормотал он.

– Эта вода не только приятна, но еще и целебна, – авторитетно заявил графу Осип Макарович. – Особенно при заболеваниях кожи и ломоте в костях помогает. Проверено на деле не единожды, так что не сомневайтесь: когда ваш француз вылезет из ручья, он забудет про все свои болячки.

– И сколько же времени нужно просидеть в воде для получения должного лечебного эффекта?

– А сколько душе угодно, ваше сиятельство. Чем дольше, тем лучше. Но это еще не все, – загадочно ухмыльнулся он и, выбравшись из ручья и зазывно махнув рукой, побежал через лужайку.

Гонимый любопытством, Воронцов последовал за ним. Оказывается, не далее чем в десяти саженьях протекал другой ручей, в который Осип Макарович с ходу и плюхнулся.

– Бр-р-р! – раздался его неразборчивый возглас.

Граф повторил маневр проводника, но в первую же секунду в его тело словно впились тысячи игл, и он пулей выскочил на берег. За ним выбрался из ручья и Осип Макарович.

– Это контрастное купание, как говорит их превосходительство господин губернатор, – пояснил он. – У нас в Сибири, где я вырос, мужики тоже, крепко попарившись в баньке, выскакивали на улицу и бухались прямо в сугроб. А потом опять возвращались в парную...

Неслышно подошедший Кабри осторожно сунул ногу в горную родниковую воду и тут же в ужасе отпрянул.

– Ну уж нет, это удовольствие только для отчаянных русских. А нам, французам, оно совсем ни к чему, – проворчал он и засеменил по гальке обратно, к ручью с горячей водой.

¹⁴ Крашенинников Степан Петрович (1711–1755) – русский ученый, исследователь Камчатки, академик Петербургской АН (1750). Сподвижник М.В. Ломоносова. В 1724–1732 гг. учился в Московской славяно-греко-латинской академии, в 1732–1733 гг. – в университете в Петербурге. Участник 2-й Камчатской экспедиции (1733–1743); исследовал полуостров Камчатка. В 1751 году закончил «Описание земли Камчатки» – первый масштабный письменный труд, посвященный географии Камчатки, а также быту и языкам местных народов (гл. обр. ительменов) и их истории.

– Не обессудьте, Осип Макарович, но я, пожалуй, тоже последую за французом, – развел руками граф.

«Удивительно! – рассуждал он, снова млея в горячей воде. – Два ручья текут практически рядом, а температура воды в них совершенно разная. Вот уж воистину: Камчатка – земля контрастов! Причем, согласно Крашенинникову, район реки Паратунки, впадающей в Авачинскую губу на противоположном Петропавловску берегу, вообще изобилует термальными источниками. Это ж неслыханное богатство! Вот только как им воспользоваться?!» – Воронцов мысленно представил многие тысячи верст, отделяющие эти благодатные места от центральных районов России, и сокрушенно вздохнул.

– А почему здесь так много гальки? – задал он очередной вопрос проводнику, разгребая рукой галечное дно.

– Так ведь вся Камчатка на гальке стоит, ваше сиятельство! – не замедлил тот с ответом. – И дно у всех здешних рек, озер и ручьев исключительно галечное. Потому-то в них, кстати, вода кристально прозрачна, а никакой живности не водится. Лосось ведь, когда на нерест идет, ничем, как известно, не питается, тогда как вылупившейся из икринок молоди корм непременно нужен. Так вот взрослые лососи, выметав икру и покрыв ее молоками, погибают и начинают постепенно разлагаться, а продукты их разложения сразу покрываются личинками всевозможных насекомых. Ими-то молодь и питается. А как подрастет чуток, быстренько скатывается в море, где уже и нагуливает нужный вес, превращаясь в больших серебристых рыбин. Потому-то в урочный час все камчатские реки и вскипают бурунами – лосось на нерест идет! – вдохновенно, с чувством вещал Осип Макарович. – Причем заметьте, ваше сиятельство, идет именно в те заводи, где сам когда-то появился на свет...

«Воистину беспредельна мудрость природы! – восхищенно подумал Алексей Михайлович, выслушав эмоциональный и весьма познавательный рассказ проводника. – Прямо как в крылатом французском выражении: “Король умер – да здравствует король!” Да и с рассказчиком мне крупно повезло: прав был милейший Петр Иванович, отзываясь о нем как о чрезвычайно интересном человеке. Есть в этом простолудине что-то поэтическое: истинно возвышенные чувства знакомы ему явно не понаслышке. Как же все-таки богата русская земля скрытыми талантами!..»

Пролежали еще с полчаса молча, нежась в естественной купели и думая каждый о своем.

– Кабри, а не пора ли готовить обед? – первым встрепенулся Воронцов, заметив, что солнце уже начало скатываться к горизонту. – Нам ведь нужно успеть вернуться до темноты, иначе Петр Иванович будет беспокоиться.

– Не волнуйтесь, ваше сиятельство, успеем, – заверил его проводник. – Просто обратно поедем чуть быстрее, благо наш «кавалерист» уже вроде как по привычке к верховой езде.

Кабри послушно вылез из ручья, оделся и приступил к выполнению графского распоряжения.

* * *

Губернатор негромко постучал в дверь комнаты Алексея Михайловича и, получив разрешение, вошел. Тот, сидя за столом, писал что-то в довольно толстой тетради. Увидев вошедшего губернатора, почтительно встал.

– Прошу извинить меня за вторжение, Алексей Михайлович, но я только что получил важное сообщение. Прискакавший из Большерецка нарочный доложил, что дней через десять в Петропавловск прибудет одно из суден компании, которое следует в Русскую Америку. Кстати, это как раз то самое судно, с которым Баранов передал мне в свое время сооб-

щение о подавлении бунта индейцев. Сведения точные. Их подтвердили рыбаки, вернувшись из Охотска.

– Наконец-то! – не смог сдержать радости Воронцов.

– Я уже давно отказался от мысли задержать вас у себя на зиму, – смиренно улыбнулся Петр Иванович, – а вот Софья Михайловна явно будет очень расстроена. Она пока ничего не знает.

– Разлуки, к сожалению, неизбежны. Я, честно говоря, тоже успел привязаться к вашей семье. Но, как говорится, все под Богом ходим...

Губернатор оказался прав. Узнав о скором отъезде постояльца, Софья Михайловна даже всплакнула. Правда, со свойственной женщинам быстрой переменчивостью настроения она, кокетливо утерев кончиком носового платка набежавшие на глаза слезы, тут же пригласила графа на празднование своего дня рождения, которое должно было состояться через три дня.

* * *

Когда Алексей Михайлович вошел в зал, разговоры между гостями, прибывшими на торжество, сразу же стихли. Их взорам предстал приветливо улыбающийся статный мужчина средних лет, одетый, как скажет много позже Александр Сергеевич Пушкин, подобно «лондонскому денди».

...Собираясь в дальнейшее плавание, Воронцов со свойственным ему практицизмом отбирал из вещей, приготовленных слугами под бдительным присмотром графини, только те, которые считал действительно необходимыми. Поэтому без сожаления отложил в сторону парадное платье со всеми сопутствующими ему аксессуарами. Однако тотчас натолкнулся на непримиримую позицию матушки.

– Ты не прав, Алексей! – твердо заявила графиня. – Ты непременно должен иметь в своем багаже отражающее твой титул парадное платье. Непременно! – с нажимом повторила она и неумолимо поджала губы.

Это означало, что она будет стоять на своем решении насмерть. В таких случаях даже ее муж, граф Михаил Петрович, старался не лезть на рожон, вот и Алексей, к вящей радости графини, сдался, безнадежно махнув рукой. И вдруг в далеком Петропавловске выяснилось, что мать была права...

Софья Михайловна тут же выпорхнула из стайки дам, с которыми мило доселе беседовала, и с сияющими глазами приблизилась к графу. Воронцов галантно поцеловал ей руку, поздравил с днем рождения и вручил изящный сафьяновый футляр.

...Оказавшись в Копенгагене, где после отплытия из Кронштадта состоялась первая остановка экспедиции Крузенштерна, Алексей Михайлович, желая сравнить возможности ювелиров датской столицы с возможностями их петербургских коллег, заглянул в один из респектабельных ювелирных магазинов. И был несколько разочарован. «Похоже, у российской знати спрос на драгоценности повыше будет, – заключил он. И тут же улыбнулся своей наивности: – Впрочем, иначе и быть не может, ведь размерами своей территории Дания уступает практически любой губернии Российской империи».

Воронцов был неплохим знатоком драгоценных камней. Однако его мало интересовали бриллианты и тем более рубины. Он отдавал предпочтение исключительно цейлонским сапфирам и бразильским изумрудам. Поэтому когда неспешно фланировал между витринами с драгоценностями, машинально задержался у экспозиции изделий с изумрудами. Особое же его внимание привлек кулон из редкой чистоты изумруда необычной формы.

По просьбе графа продавец, оказавшийся к тому же и хозяином магазина, в высшей степени профессионально перечислил ему все достоинства кулона, выполненного в виде

крупной капли из бразильского изумруда. Когда же он назвал цену сего изумительного произведения ювелирного искусства, брови Алексея Михайловича сами собой поползли вверх.

Однако ювелир с достоинством и, в отличие от российских коллег, ничуть не заискивая, объяснил, что для изготовления кулона подобной формы пришлось воспользоваться изумрудом довольно значительных размеров. К тому же торговаться с фирмой «Де Бирс», поставляющей ему драгоценные камни, в том числе бразильские изумруды, для него не представляется возможным, поскольку он закупает их товар, ввиду невысокого покупательского спроса, малыми партиями. Тем не менее, добавил датчанин, он готов сделать небольшую скидку...

Так или иначе, но Алексей Михайлович все же приобрел тогда это уникальное ювелирное изделие.

– Ваша дама не останется равнодушной к столь ценному подарку, – заверил его на прощание ювелир...

Софья Михайловна, изо всех сил стараясь сдерживать непреодолимое любопытство, подчёркнуто неторопливо открыла футляр и... ахнула.

– Благодарю вас от всей души, Алексей Михайлович! – выдохнула она почти шепотом, будучи не в состоянии отвести глаз от подарка.

Все присутствующие на званом торжестве дамы, напрочь забыв об этикете, резво побежали к хозяйке и стали по очереди заглядывать в футляр. По залу прокатился вздох женского восхищения, смешанного с откровенной завистью. Мужчины же воззрились на Алексея Михайловича с немым почтением: столь дорогой и щедрый подарок мог сделать не просто богатый, а очень богатый человек.

Глава 3

Новоархангельск

Компанейское судно «Валентина» вышло из Авачинской губы в Тихий океан, и по левому борту сразу открылись Три Брата, хорошо известные всем дальневосточным мореходам. Три эти скалы торчали из воды, как зубы исполинского дракона, словно бы охранявшего подступы к Петропавловской гавани. Когда же скрылись из виду и они, Корякская и Авачинская сопки продолжали возвышаться над горизонтом, и Алексей Михайлович не мог оторвать взгляда от их белоснежных конусов, которые, собственно говоря, и олицетворяли теперь для него всю Камчатку.

Петропавловск остался позади, за кормой «Валентины»...

Там же, далеко позади, осталась и лихая мазурка, которую накануне Воронцов вдохновенно отплясывал в паре с раскрасневшейся и вроде даже как помолодевшей Софьей Михайловной и после которой все наблюдавшие за ними, включая Петра Ивановича, наградили их бурными аплодисментами. Сама же Софья Михайловна и вовсе не удержалась от проявления обуревавшего ее счастья: встав на цыпочки, она чмокнула своего кавалера в щеку, и зал огласился бурными возгласами восторга. Да, похоже, именинница испытала в тот миг настоящий триумф. Во всяком случае, в ушах графа до сих пор звучал ее взволнованный шепот: «Спасибо вам, Алексей Михайлович, за этот незабываемый танец! Я словно бы возродилась заново, восстала, как птица феникс из пепла...»

Проводы тоже остались позади, в прошлом. В Петропавловской гавани гостеприимная семья губернатора провожала Воронцова в полном составе, и сейчас он не мог забыть наполненных слезами глаз своих бывших учеников. И мысленно благодарил судьбу за то, что она даровала ему счастье именно здесь, в этом забытом Богом краю необъятной России, привить дворянским отпрыскам тягу к познанию таинств разных наук...

...Граф оторвался наконец от зачарованного созерцания оставшихся позади вулканов и посмотрел вперед, по ходу судна. Туда, где за несколькими тысячами миль водной глади лежала таинственная Русская Америка. Что ждет его там, на самом, можно сказать, краю света?..

* * *

Обширный Ситкинский залив изобиловал островами и островками, но шкипер уверенно вел «Валентину», ловко лавируя между ними и искусно обходя только ему известные подводные рифы. Похоже, столь опытному мореходу даже лоцман не требовался.

Только что основанный Новоархангельск был пока невелик: два административных здания, дюжина уже готовых изб да несколько еще не доведенных до ума срубов. На берегу гавани уже толпился народ – приход любого судна в этот Богом забытый край местные жители всегда воспринимали как яркое событие в их жизни.

– Сам Александр Андреевич встречает! – уважительно произнес шкипер, обращаясь к пассажиру, который давно уже, еще с рейда, взволнованно всматривался в сухопарую фигуру довольно высокого мужчины в возрасте.

Когда на ялике подошли к берегу, шкипер, пожав руку Баранову, доложил ему о выполненном задании. «Однако отношения тут царят весьма демократичные, – отметил про себя Алексей Михайлович, вспомнив напускную напыщенность губернатора Камчатки и чванливость петербургских чиновников. – А может, это всего лишь уловка, рассчитанная на вве-

дение в заблуждение впервые сюда прибывшего незнакомого господина? Да нет, вряд ли», – отмел граф закравшиеся было в голову подозрения.

Когда шкипер отошел, Баранов смерил гостя пронзительно-оценивающим взглядом.

– Воронцов, Алексей Михайлович, – представился граф. – Прибыл в ваши, Александр Андреевич, владения по рекомендации Николая Петровича Резанова. – Он протянул Баранову пакет, запечатанный сургучной печатью с двуглавым орлом, принадлежащей председателю Главного правления Российско-американской компании.

– Что-то срочное? – слегка напряглось лицо главного правителя.

– Не думаю. Скорее, лишь касающаяся меня информация.

Ловко вскрыв пакет, Баранов быстро прочитал послание Резанова и сказал уже вполне дружелюбно:

– С благополучным прибытием, ваше сиятельство!

Уловив боковым зрением удивленно-вопросительный взгляд стоявшего неподалеку шкипера, Алексей Михайлович благодушно произнес:

– Титулование излишне, Александр Андреевич. Ибо, во-первых, я прибыл сюда как лицо сугубо частное, а во-вторых, чинопочитание у вас тут, насколько я успел заметить, не в почете.

– Вы наблюдательны, Алексей Михайлович, – одобрительно кивнул Баранов, – так что принимаю ваше замечание к сведению. Итак, из письма Николая Петровича я понял, что вы намерены задержаться в Новоархангельске до весны...

– Совершенно верно. А затем планирую отправиться в одно из расположенных на территории Русской Америки индейских селений. Надеюсь, вы поможете мне в выборе одного, Александр Андреевич?

– Безусловно, Алексей Михайлович. – На суровом лице главного правителя впервые появилось подобие улыбки. – Думаю, у меня даже есть уже для вас подходящий вариант, но предлагаю обсудить его позже – после того как вы устроитесь на новом месте.

* * *

Оказавшись в просторном кабинете главного правителя Русской Америки, Воронцов осмотрелся. К широкому письменному столу был перпендикулярно приставлен длинный стол с рядами стульев по обеим сторонам – видимо, для участников проводимых здесь заседаний. Рядом с кожаным креслом хозяина кабинета стоял сейф. В простенке между окнами громоздились два книжных шкафа. На стене висела искусно выполненная карта владений Российско-американской компании в Северо-Западной Америке. Алексей Михайлович отметил, что на юге эти владения ограничены заливом Святого Франциска в Верхней Калифорнии. Обстановка кабинета показалась ему добротной и хорошо продуманной.

Баранов, заметив, сколь внимательно гость осматривает помещение, предупредительно пояснил:

– Как видите, потихоньку обустроились, Алексей Михайлович. К сожалению, вся прежняя мебель, книги и прочее имущество сгорели в разоренной индейцами Архангельской крепости, так что многое пришлось позаимствовать в Павловской гавани на острове Кадьяк. Заодно и контору Российско-американской компании в Охотске основательно «почистили». – Перехватив недоуменный взгляд собеседника, добавил: – Разумеется, в соответствии с предписанием Главного правления Компании в Петербурге. Все-таки Охотск, как ни крути, находится на материке, и завезти туда из Якутска все необходимое намного проще, чем сюда. Кстати, все оборудование для администрации и конторы Компании в Новоархангельске, а также кое-какое имущество, прикупленное в Охотске, было доставлено на той же «Валентине», с коей прибыли и вы сами.

«Деловой мужик», – уважительно подумал Воронцов и не удержался от вопроса:

– Простите за любопытство, Александр Андреевич, но почему владения Компании в Америке, – он кивнул на карту, – ограничены на юге не архипелагом Александра, истинной южной точкой ваших владений, а заливом Святого Франциска, относящимся уже к Калифорнии? – По вмиг загоревшимся глазам главного правителя граф понял, что коснулся очень важной для того темы.

– Вопрос вы задали непростой, уважаемый Алексей Михайлович, но я попробую на него ответить. Дело в том, что одной из главных проблем развития Русской Америки является снабжение ее населения, из года в год преумножающегося, продуктами питания. Земель, пригодных для выращивания зерновых, здесь практически нет, а посему приходится закупать их у испанцев по баснословным ценам. Вы только представьте: они требуют по пять рублей серебром за каждый пуд пшеницы, в коем содержание песку и камней доходит до десяти долей! Это же форменный грабёж! В то же время на юге, в Верхней Калифорнии, плодородные черноземные земли и прекрасный климат позволяют снимать по два урожая в год! – Глаза главного правителя сверкнули неподдельным восторгом. – А поскольку в соответствии с положением о Российско-американской компании мы имеем право исследовать и заселять окрестные свободные земли – индейцы, разумеется, в счет не идут, – посему и обратили внимание на земли Калифорнии. Правда, только на те, где еще нет испанских поселений: то есть к северу от залива Святого Франциска и вплоть до французского Орегона.

Поразившись грандиозности планов главного правителя Русской Америки, Воронцов между тем счел нужным выразить свои опасения:

– Но ведь рано или поздно это может привести к конфликту с Испанией!

– Вы правы, Алексей Михайлович. Однако в данном вопросе мы надеемся на поддержку хорошо знакомого вам председателя Главного правления Компании Резанова, имеющего большое влияние при дворе, и, конечно же, на поддержку российского правительства в целом. А пока, как видите, строим Новоархангельск, – резко переменял тему разговора Баранов, подчеркнув тем самым, что вопрос с колонизацией Калифорнии уже практически решен. – Будем возводить город из камня, так надежней. Уже заложили фундамент православного храма. В восточной части гавани возведем собственную верфь, ибо островной характер Русской Америки требует большого количества судов. Закупку же судов, построенных на верфях Охотска, считаю делом убыточным. А за холмом, с учетом розы ветров¹⁵, построим еще и медеплавильный завод. – Заметив мелькнувшее в глазах собеседника сомнение, успокоил: – Поверьте: индейцы еще до прихода сюда европейцев научились извлекать медь из болотных руд. Просто сейчас у нас катастрофически не хватает рабочих рук и лошадей. Хвойных лесов в окрестностях Новоархангельска предостаточно, но я строго ограничил их вырубку, дабы не оголить будущий город. Поэтому пока приходится заготавливать бревна за несколько верст отсюда, в районе бывшей Архангельской крепости, и затем сплавлять их морем, буксируя шлюпками.

– Точно так же заготавливали лес для строительства первых зданий Петропавловска на Камчатке моряки экспедиции Беринга, – не преминул блеснуть эрудицией Воронцов.

– Да вы, гляжу, даром время на Камчатке не теряли, – улыбнулся Баранов. – Сам-то ведь я, признаться, даже и не слышал об этом.

– Одни и те же проблемы решаются, как правило, одними и теми же способами, – глубокомысленно изрек граф.

– Делитесь собственными философскими умозаключениями? – заинтересованно спросил хозяин кабинета, явно радуясь общению с образованным человеком.

¹⁵ Роза ветров – диаграмма режима ветров в данном конкретном месте, построенная на основании наблюдений для каждого месяца, сезона и года.

– Ну что вы, Александр Андреевич! Просто вспомнил лекции одного из университетских профессоров с кафедры философии, – рассмеялся Алексей Михайлович.

– А я вот, к моему великому сожалению, университетов не кончал... – вздохнул главный правитель Русской Америки.

«Да вы и без университетов вон какими грандиозными делами успешно ворочаете!» – хотел было воскликнуть Алексей Михайлович, но, не желая показаться собеседнику льстецом и подхалимом, вовремя сдержался. Сказал лишь уклончиво:

– Это не моя личная заслуга, Александр Андреевич, а всего лишь преимущество моего социального происхождения. Просто у нас с вами от рождения были, если можно так выразиться, разные стартовые возможности.

– Согласен, Алексей Михайлович, но только отчасти. Дело в том, что я, как выходец из купеческого сословия, тоже имел и социальные, и материальные возможности для получения достойного образования. Однако подход к жизненным ценностям в наших с вами семьях действительно имеет существенные различия. Люди моего круга предпочитают обеспечивать себе достойное положение в обществе исключительно за счет торговой деятельности – чем, собственно, занимаюсь всю жизнь и я сам, – тогда как у вас, аристократов, круг возможностей для выбора сферы жизнедеятельности действительно более широк.

– Тем не менее вы, насколько мне известно, имеете чин коллежского советника, соответствующего флотскому чину капитана первого ранга. То есть, согласно Табели о рангах, принадлежите к шестому классу, дающему – помимо множества разных других привилегий – еще и право на потомственное дворянство. А это, замечу, не так уж и мало...

Баранов, мысленно подивившись осведомленности графа о своей персоне, парировал:

– Я, уважаемый Алексей Михайлович, старше вас лет на двадцать, однако вы уже сейчас имеете чин надворного советника, то бишь в Табели о рангах стоите всего лишь одним классом ниже меня. Вот мне и интересно: а каких же высот вы достигнете в мои-то годы?!

– Кажется, мы опять вернулись на круги своя, – расхохотался Воронцов.

– Похоже на то, – улыбнулся в ответ главный правитель Русской Америки. И произнес уже деловым тоном: – Поэтому предлагаю перейти к главному...

* * *

Баранов напомнил Воронцову их разговор при первой встрече на берегу гавани и на всякий случай уточнил: правильно ли он понял просьбу Алексея Михайловича помочь ему в выборе индейского селения, наиболее подходящего для проведения этнографических исследований? Получив утвердительный ответ, Александр Андреевич перечислил названия нескольких проживающих на побережье Северо-Западной Америки индейских племен (хайда, тлинкиты, вакаши, селиши) и порекомендовал выбрать племя тлинкитов, населяющее юго-восточное побережье залива Аляска и прилегающие к нему острова. Свой совет Баранов мотивировал тем, что данное племя состоит не только из рыболовов и охотников, но и из опытных мореходов.

Заодно рассказал вкратце, как сам во время обследования Чугачского залива познакомился с главным вождем племени тлинкитов Томагучи, оказавшимся на редкость умным и проницательным человеком. Поведал и о том, что, когда взбунтовались индейцы, уничтожившие Архангельскую крепость, Томагучи первым из индейских вождей заключил с ним союзнический договор по усмирению бунтарей. Именно воины племени тлинкитов приняли наиболее активное участие в подавлении того злосчастного бунта, причем возглавлял их боевой отряд сам Томагучи.

– Тлинкиты – наши самые верные и надежные союзники. У них вы будете чувствовать себя в полной безопасности, Алексей Михайлович, – подытожил Баранов.

– Премного благодарен за заботу, Александр Андреевич! Всецело принимаю вашу рекомендацию.

– Какими иностранными языками вы владеете? – задал неожиданный вопрос собеседник.

– Французским, немецким, английским, латынью, – несколько озадаченно ответил ему граф.

– Прекрасно. А теперь, уважаемый Алексей Михайлович, для пользы дела вам не помешало бы изучить еще и язык тлинкитов, относящийся к группе на-дене языков. Он, конечно, существенно отличается от романской группы языков, но хотя бы азы, я думаю, вы легко освоите.

– С превеликим удовольствием! – с энтузиазмом воскликнул граф. – Только, насколько мне представляется, я смогу это сделать, лишь находясь в среде самих индейцев. Не так ли?

– Не совсем, Алексей Михайлович, – хитро улыбнулся Баранов. И поведал гостю очередную историю.

...Три года назад, еще до пресловутого бунта индейцев, он по весне снарядил компанейское судно и отправил на нем служащего конторы Российско-американской компании Павла Кузьмича собирать по всему побережью пушнину, заготовленную индейцами за зиму. Но в один из дней внезапно разыгравшаяся буря сорвала судно с якоря и выбросила на берег бухты рядом с селением тлинкитов.

(«Надо же, точно в такую ситуацию угодил некогда у Командорских островов пакетбот "Св. апостол Петр" экспедиции Витуса Беринга!» – отметил мысленно Воронцов.)

По договоренности с вождем племени тлинкитов Томагучи, шкипер послал на байдаре своего штурмана и одного из индейцев в Архангельскую крепость с сообщением о постигшем компанейское судно несчастье. Сам же вместе с остальными членами команды стал, под руководством служащего конторы, спасать те меха, что удалось собрать у индейцев других племен до вынужденной остановки в бухте у селения тлинкитов.

Вернувшийся из Архангельской крепости индеец передал шкиперу приказ Баранова добираться вместе с командой обратно на байдарках, ибо свободных судов у главного правителя на тот момент не оказалось. Служащему же конторы, Павлу Кузьмичу, было предписано остаться в селении тлинкитов для присмотра за спасенной пушниной и ждать возвращения домой с первой же оказией.

Оказия в виде судна, только-только сошедшего со стапелей Охотской верфи, появилась лишь глубокой осенью. Так что за время, проведенное у тлинкитов, Павел Кузьмич, обладавший природной склонностью к языкам (он и прежде-то довольно сносно общался с индейцами, отчаянно торгуясь с ними при сборе пушнины), и вовсе преуспел: освоил язык племени в совершенстве.

– Сейчас он по-прежнему служит в конторе Компании, но уже здесь, в Новоархангельске, – подвел свой рассказ к завершению Баранов. – И в случае вашего согласия, уважаемый Алексей Михайлович, сможет помочь вам в изучении языка тлинкитов. Добавлю лишь, что Павел Кузьмич имеет чин титулярного советника и производит впечатление весьма образованного человека.

– Да это же просто находка для меня, Александр Андреевич! – просиял Воронцов. – Будет чем занять себя в течение свободных зимних месяцев!

– Вот и замечательно, – улыбнулся Баранов, тоже явно довольный итогом их сегодняшней встречи. – Тогда я завтра же познакомлю вас с Павлом Кузьмичом, а уж режим занятий и условия оплаты вы обговорите с ним сами.

– За мной еще и комиссионные лично вам, Александр Андреевич, – рассмеялся граф. – За посредничество.

– Разумеется. Возможно, благодаря им я наконец решу все свои финансовые проблемы, – в тон ему ответил главный правитель Русской Америки, с удовольствием возвращаясь в привычный и знакомый до мелочей мир коммерции.

* * *

Баранов распорядился освободить для столичного гостя одну из комнат в конторе Компании.

– Да подберите помещение получше! – наставлял он управляющего. – Ему, как человеку ученому, условия для работы нужны надлежащие.

– Как же, аристократия! – усмехнулся управляющий.

– Не ерничайте, Константин Павлович! Граф Воронцов рекомендован мне лично камергером Резановым!

Чиновник непроизвольно вытянулся в струнку и в сердцах воскликнул:

– Так может, Александр Андреевич, вы мне еще ему и мой собственный кабинет отдать прикажете?!

– А что, Константин Павлович, мысль очень даже здравая, – задумчиво проговорил Баранов. – В конце концов, господин Воронцов – надворный советник, то есть чином постарше вас будет. А уж если учесть, что занимаемая им в Министерстве иностранных дел должность столоначальника именуется, в соответствии со штатным расписанием, титулом «его превосходительство»... – Управляющий начал на глазах бледнеть. – Одним словом, перезимуете в кабинете своего заместителя, Константин Павлович. Чай, не из графьев, – добавил Баранов с лукавым подтекстом. – И впредь попрошу не забывать, что ничего «собственного» у вас здесь нет: все здесь имеющееся является исключительно собственностью Компании, – назидательным тоном заключил он.

* * *

Когда Алексей Михайлович впервые привел «учителя» Павла Кузьмича в свои «апартаменты», занимаемые им по указанию Баранова, тот явно оробел: застыл на пороге, нерешительно переступая с ноги на ногу. Граф сему факту слегка удивился, но быстро сообразил, в чем дело.

– Что, Павел Кузьмич, небось, доводилось стоять «на ковре» в этом самом кабинете? – добродушно улыбнулся он.

– Было дело, – сконфуженно признался тот.

– Проходите, проходите, не стесняйтесь. Думаю, что теперь и мне предстоит почувствовать себя в вашем положении.

– Это за свои-то деньги?! – воскликнул Павел Кузьмич. – Нет, Алексей Михайлович, такого не бывает!

Оба рассмеялись, радуясь неофициальному тону знакомства.

* * *

Павел Кузьмич был примерно одного с Воронцовым возраста, и между мужчинами сразу установились сугубо деловые отношения. Занимались ежевечерне, кроме воскресенья, по два часа.

Алексей Михайлович скрупулезно записывал индейские слова и целые фразы в толстую тетрадь, а на следующий день, до занятий, заучивал их наизусть. Поначалу изрядно

помучился с произношением характерных для языка на-дене согласных, но постепенно дело наладилось, и недели через три, к удивлению Павла Кузьмича, ученик уже вполне сносно общался с ним на языке тлинкитов.

– Если так дело пойдет и дальше, – радовался учитель, – то через два-три месяца вы, Алексей Михайлович, сможете уже и выпускные экзамены сдавать!

* * *

По воскресеньям, справившись с очередным домашним заданием, Воронцов выходил осматривать город. В дальнем углу бухты, как и обещал Баранов, уже началось строительство верфи. Стволы вековых сосен доставляли по воде шлюпками на буксире, а затем с помощью лошадей подтаскивали их к нужному месту и укладывали штабелями – для просушки. Мастеровые же в это время сооружали пилораму. Работали споро, с огоньком, на их артельный труд было любо-дорого смотреть.

И Алексей Михайлович, наблюдая за кипучей энергией удалых молодцов, не переставал удивляться: за тридевять земель от столицы, на далеком острове у берегов Америки русские строят город! Причем строят с размахом, на века и, как говорится, «на вырост» – для будущих поколений. И ведь все, начиная с гвоздей и заканчивая стеклом, требовалось привезти морем из далекого Охотска, или, как здесь выражались, «с материка». А в Охотск, в свою очередь, все это доставлялось обозами из Сибири-матушки, да и то только зимой, по санному пути. Но ведь и везли, и доставляли, и строили! Потому как игра стоила свеч: доходы от продажи заготовленной в Русской Америке пушнины перекрывали все издержки, связанные с расходами на приобретение других товаров, принося к тому же немалую прибыль акционерам Российско-американской компании.

Только теперь и здесь, на строительстве этого удивительного города, Воронцов окончательно убедился в справедливости и правомерности доводов Крузенштерна (будь он неладен!) относительно организации кругосветных плаваний на русских кораблях. Ведь действительно: во сколько раз дешевле и быстрее обойдется доставка всевозможных материалов сюда, в Русскую Америку, морским путем! То-то именитые акционеры Российско-американской компании столь рьяно добивались «высочайшего одобрения» для проекта Крузенштерна! И пусть не с первого раза, но все же добились своего, хотя уже и при новом императоре, при Александре I. Теперь, наверное, потирают руки в предвкушении получения сверхприбылей. Каждому, конечно, свое, но дело и впрямь было сделано стоящее...

А самое удивительное, что всем этим огромным хозяйством с его бесчисленными проблемами, строительством и промыслом пушного зверя, как морского, так и лесного, руководит один человек – главный правитель Русской Америки господин Баранов. И руководит, несмотря на явный дефицит рабочей силы, весьма успешно... «Это какой же энергией и каким организаторским талантом должен обладать человек, чтобы перед ним трепетали могущественные вожди индейских племен?!» – подумал Воронцов и преисполнился чувством глубокого уважения к Баранову, олицетворявшему собой здесь, на американском континенте, могущество Российско-американской компании и всей Российской империи.

* * *

Они беседовали в уже знакомом графу кабинете.

– Наслышан, наслышан, Алексей Михайлович, о ваших успехах в освоении языка индейцев, – удовлетворенно изрек Баранов.

– Я, честно говоря, и сам не ожидал подобных результатов.

– Стало быть, Павел Кузьмич не зря облегчает ваш кошелек? – с улыбкой осведомился главный правитель.

– Нет, ну с вами просто невозможно разговаривать, Александр Андреевич! – рассмеялся Воронцов. – Все переводите на деньги!

– На том и стою, уважаемый Алексей Михайлович, – назидательно заметил Баранов. А потом, вздохнув, сообщил: – Между прочим, все деньги, которые вы платите Павлу Кузьмичу за обучение, а также большую часть своего жалованья он отправляет родителям. Дело в том, что у него мать серьезно больна, и вдобавок две сестрицы на выданье...

– Так я могу удвоить ему плату за обучение! – с готовностью откликнулся граф. – Причем без малейшего для себя ущерба!

Баранов пристально посмотрел на него и строго произнес:

– Даже не вздумайте, если не хотите испортить с Павлом Кузьмичом отношения. Он человек чрезвычайно честный, порядочный и принципиальный. Одним словом, человек чести. Как и положено дворянину. Пусть даже и не потомственному, а всего лишь получившему дворянский титул согласно чину.

Устыдившись своего скоропалительного восклицания и проникшись к главному правителю Русской Америки еще большим уважением, Воронцов отвел глаза и уставился на кружившиеся за окном снежинки.

– Вот и зима подоспела, – перехватив его взгляд, задумчиво молвил Александр Андреевич. – Но вы не переживайте: у нас она не слишком суровая, хотя снега выпадает довольно много. – Заметив недоверие в глазах вновь повернувшегося к нему собеседника, пояснил: – Сказывается влияние так называемого Аляскинского течения – северной ветви мощного теплого океанического течения Куросио, которое зарождается у южных берегов далекой Японии. А вот в Петропавловске, лежащем практически на одной широте с Новоархангельском, зима намного суровее и снежнее. И все – из-за близости северного холодного Камчатского течения.

– Зато там есть чудесные термальные источники, купаться в которых можно даже зимой, – заступился за Камчатку Алексей Михайлович.

– Вы, я гляжу, успели основательно «прикипеть» к камчатской земле, – чуть ревниво проворчал Баранов. – Что ж, посмотрим, что вы скажете о Русской Америке, когда познакомитесь с ней поближе. Одна гора Святого Ильи чего стоит! Кстати, именно ее увидели первой спутники Беринга, когда открыли берега Северо-Западной Америки. Впрочем, она хорошо видна и из селения тлинкитов, куда вы отправитесь ранней весной вместе с Павлом Кузьмичом. Он, как обычно, будет заниматься сбором пушнины, а заодно лично познакомит вас с вождем Томагучи. Поэтому рекомендую вам заранее подготовить список необходимых для вашей экспедиции вещей и согласовать его потом с моим помощником Иваном Александровичем Кусковым. Материальное обеспечение – это уже его епархия, – тепло улыбнулся главный правитель, и по интонации его голоса Алексей Михайлович понял, что их теперь связывают не только служебные, но и почти дружеские отношения.

– Большое спасибо вам, Александр Андреевич, за заботу, на которую я, по правде говоря, не рассчитывал. Вернее, рассчитывал, но не в таком объеме.

– Благодарите не столько меня, сколько своего покровителя Николая Петровича Резанова, – снова приятельски улыбнулся Баранов, как бы подтверждая тем самым догадку графа о доверительности сложившихся между ними отношений.

* * *

Когда Алексей Михайлович пришел к Кускову со списком вещей, необходимых, по его мнению, для «научной экспедиции» в племя тлинкитов, тот, быстро пробежав список глазами, раздумчиво произнес:

– Да-а, вот теперь я воочию убедился, что имею дело с истинным графом... – Увидев удивленно поднятые брови посетителя, пояснил: – Просто на основании вашего списка, уважаемый Алексей Михайлович, я пришел к выводу, что вы собираетесь отправиться не в богом забытую глушь, а по меньшей мере в свое родовое имение. Судите сами: бумага, тетради, блокноты, карандаши, гусиные перья, чернила... Вы хоть понимаете, что в индейском селении у вас не будет ни стола со стулом, ни кровати, ни даже, может быть, собственного угла?! Да-да, индейцам неведомы ведь ни пила, ни лопата! Я уж не говорю о молотках с гвоздями... Правда, у них есть топоры, которые они охотно выменивают у нас за меха, но это дело десятое. А пока поверьте мне на слово: прежде чем заняться научной деятельностью, вам придется озаботиться обустройством быта для хотя бы элементарного существования в их условиях. И на свои деньги, кстати, не надейтесь, – он многозначительно посмотрел на графа, – они там не имеют ровно никакого значения. Вот так-то, милейший Алексей Михайлович... – Сжалившись над собеседником, явно крайне удрученным его отповедью, Кусков улыбнулся: – Ну да ладно, не отчаивайтесь. Давайте-ка лучше возьмем чистый лист бумаги и составим список действительно нужных вам вещей вдвоем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.